

Странные романы

Юрий НИКИТИН

Творцы миров

«ЭКСМО»

2007

Никитин Ю. А.

Творцы миров / Ю. А. Никитин — «Эксмо», 2007 — (Странные романы)

Семеро друзей, озверевших от безденежья, ищут пути не к славе, а к богатству. Сегодня они всего лишь умело присосавшиеся пиявки к популярным онлайн-играм: подчитерят, прокачают, сдублируют ценный меч или панцирь и продадут за реальные доллары... но разве это жизнь для молодых и амбициозных? И когда приходит идея создать собственную онлайн-байму все хватаются за этот последний шанс. Но мы, обычно переоценивая себя, иногда и недооцениваем. Как и произошло в этот раз...

© Никитин Ю. А., 2007

© Эксмо, 2007

Содержание

Предисловие	5
Часть 1	7
Глава 1	7
Глава 2	10
Глава 3	16
Глава 4	22
Глава 5	27
Глава 6	32
Глава 7	37
Глава 8	44
Глава 9	48
Глава 10	53
Глава 11	58
Глава 12	63
Глава 13	67
Конец ознакомительного фрагмента.	72

Юрий Никитин

Творцы миров

Всем моим друзьям и недругам по прекрасному миру Lineage-2. Все-таки здорово, что он есть, что можем в нем получить такое агрома-а-адное удовольствие.

И все-таки... до встречи в Vanguard'e!

Предисловие

Лучшая возможность обратиться к своим читателям – это предисловие. По крайней мере, для меня, с моей «любовью» давать интервью и нежеланием общаться иначе как через книги.

Было время, когда получал письма в бумажных конвертиках, читал, писал ручкой на бумажном листке (иногда печатал на пишущей машинке), покупал конверт и марку, наклеивал ее на конверт, писал обратный адрес, а потом ходил с ним в кармане, напоминая себе, что нужно хотя бы сегодня не забыть бросить в почтовый ящик, мимо которого прохожу уже в пятый раз.

Потом пришел инет, появилась электронная почта. Куда проще стало настучать ответ и одним кликом отправить обратно. Но эта идиллия продолжалась два-три года, потом количество инетчиков резко увеличилось. Мне это заметно, т. к. я один из первых пользователей инета, а мой сайт и уже известная Корчма – один из первых сайтов Рунета. Словом, легче стало не только отвечать на письма, но, увы, и писать их мне :-). А вы понимаете, что такой цикл, как «Странные романы», у многих вызывает желание поругаться, поспорить, завязать ожесточенную полемику с автором. Доступность электронной почты сыграла в данном случае дурную службу. Дело не в спаме, его удаляю, не читая, дело в количестве писем, обращенных лично ко мне. Когда их стали сотни, я ощутил, что не в состоянии отвечать на все. Сперва отвечал выборочно, но лавина писем растет. Сейчас их триста-четыреста в сутки, а будет, увы, больше. И все написавшие ждут длинные развернутые ответы. Иногда на действительно серьезные и умные вопросы, но чаще на «Привет, Юра! А чё щас клепаешь...», но все примеряют ситуацию к себе (мол, я бы ответил), не зная, какова она на самом деле.

И вот вынужденно говорю здесь: спасибо за письма, но года два уже никому не отвечаю. Никому. Да и, положа руку на сердце, многие из вас стали бы писать, если бы пришлось покупать конверт, марку, писать от руки, выходить на улицу в поисках почтового ящика? Большинство емэйлов идут ко мне только потому, что написать и отправить ничего не стоит. Ни денег, ни усилий. Но я, знаете ли, не та SMS-служба, которая «отправь SMS-сообщение по такому-то номеру и получи бесплатно голую Аню Межелайтис».

Так что не обижайтесь, когда в ответ на ваши письма не приходит голая Аня Межелайтис. Я не могу по заголовку вычленивать ваше замечательное письмо с умными мыслями среди массы тех, что от нефига делать, так что и оно останется нераскрытым. Если читать все, что приходит, пришлось бы отказать себе не только в чтении интересных книг, они все еще выйдут, но некогда было бы работать, общаться с друзьями, баймить, ездить на велосипеде, принимать гостей...

Поймите правильно, не обижайтесь!

Пояснение: это обращение к тем, кто пишет действительно умные и грамотные письма. Остальные – в Бобруйск.

Юрий Никитин

ПС. Заодно уже пару слов по этому роману. Предвосхищая вопли, что автор ни разу ни одну байму в глаза не видел, сообщаю, что я играл и продолжаю играть в Guild Wars, DDO, Dark&Light, прошел практически все триал-версии всех доступных в инете игр, дабы иметь о них представление, а в Lineage-2 я уже больше года тружусь клан-лидером очень нехилого клана (половина клана, кстати, из корчмовцев). У меня на Каине чары ДА, СВ и паладин, все – хаи, я играю много и с удовольствием, работе это нисколько не мешает, и тему онлайн знаю хорошо.

Это к тому, что почему-то самые тупые полагают, что писатели все еще гусиным пером шкрябают. А вот язык ассемблера да, не знаю, признаюсь сразу. И Дельфи. И даже, стыдно сказать, С++. Но я о них и не пишу.

Часть 1

Глава 1

Скоффин ввалился в комнату злой и взвинченный. От его фигуры пахло таким напряжением, что в компьютере вроде бы заискрило, а люстра испуганно мигнула. Я придвинул к нему цифровик и мобильник, мол, пусть заряжаются. Красный, как свежесваренный рак, он рухнул в кресло, скривился, будто хлебнул уксуса.

– Снес все с диска!.. – сообщил он злобно. – Твари... Убивал бы!.. Медленно бы убивал! А потом распавил бы и снова убил. И так раз десять. Нет, сто!..

– Что случилось? – спросил Николай. Он с высоким бокалом, полным янтарного пива, стоял у окна и наблюдал за взбешенным Скоффином, чуть шевеля длинными запорожскими усами.

– Вирусов наловил! Да таких, что вообще не давали работать!

Николай чуть дунул на белоснежную шапку пузырьков, полюбовался сложной архитектурой, когда получается высокий конус. Красная рожа расплылась в довольной улыбке.

– А защита? – поинтересовался он с ленивым превосходством.

Скоффин возмутился:

– А что может эта гребаная защита? Ничего из-за нее из инета не скачать! Тут же крик поднимает: и то нельзя, и другое нельзя... Хотя бы вирусы были, а то «подозрение на вирусы!» Пришлось отключить, пока ползал по Сети.

– Искал золотую рыбку? – спросил Николай. Он отхлебнул пива, закрыл глаза в сладкой истоме. – А какая бы из нее вобла...

Громко и простонародно загоготал от холодильника интеллигентнейший Кулиев. Он как раз вытаскивал упаковку баночного пива и едва не уронил от хохота. Скоффин зло оскалил зубы. Николай подошел и, красиво отставив пиво на вытянутой руке, свободной выдернул из упаковки зеленоватую баночку, локтем пихнул, чтобы закрылось, с грохотом опустил на стол перед Скоффином. Тот жадно ухватил сразу запотевшую баночку, у меня кондишен, прохладно, это за окном майская жара, потому Скоффин похож на вынырнувшего из озера расплавленного металла терминатора, от него несет сухим жаром и неуютом улицы.

Кулиев примостил упаковку на свободном месте, у меня стол на кухне размером с бильярдный, спросил чересчур заботливо:

– Но потом включил?

– Кого?

– Защиту, дорогой, защиту.

– Я тоже умный не сразу, – огрызнулся Скоффин, – а потом! Как и ты, не криви фэйс! Собирался включить, собирался! В самом деле собирался, я что, не понимаю? Но когда все нормально, любому лезть в установки в лом! А они, гады, сперва тихие, как мыши под полом, но зато плодятся, как... правозащитники на юсовские деньги!.. Хотел переустановить Виндовс, но уже ночь, я устал, топчу кнопки привычно, не заметил, как на предложение «Форматировать» случайно кликнул «да». Ну а когда пошло, охнул... да поздно.

Из комнаты к нам заглянул с пультом от телевизора Ворпед, прислушался, посмотрел на всех добрыми кроткими глазами, спросил участливо:

– Что-то ценное было?

– Еще бы! – воскликнул Скоффин. – Полетел web-кошелек, аська со всеми телефонами, база данных, не говорю уже про коллекцию фильмов и прочие вкусности... но все фигня в

сравнении с тем, что мне удалось замочить предпоследнего босса в «Князе Кие»... а все сэйвы теперь злорадно гавкнули!

Все сочувствовали, Скоффин пользуется всеобщей симпатией, единственный, кто рассказывает, когда у него с бабами не получается, мы все о таких случаях молчим, как партизаны. Некоторое время потягивали пиво молча, у меня уютно, кухня размером с большую комнату, плюс – квартира на Тверской, здесь собираемся привычно еще с того времени, как начала создаваться наша странная компания.

Николай сказал с чувством полнейшего превосходства:

– Вот тут-то и превосходство онлайнowych. Просто сокрушительное превосходство! У меня, к примеру, пусть весь комп сгорит... да что там комп, весь дом обвалится, а с баймой все равно ничего. Куплю новый комп, зайду по аккаунту и продолжу с того момента, на котором остановился. И никаких сэйвов не нужно.

Скоффин уныло отмахнулся:

– Да не люблю я эти детские мочилочки! Здесь я в компьютерном мире, сражаюсь только против мобов, мне легко и спокойно. Никто не обматерит просто так, никто не забудет, как жирного гусака, всего лишь для потехи!.. Понятно же, что я с каким-нибудь пятым или десятым лэвелом – мясо для четырнадцатилетнего сопляка, который прокачался до семидесятого!.. А я так не хочу.

Николай рвался возражать, возражать и спорить, но видно, как себя одергивает, а Кулиев, который тоже знает онлайнowych не понаслышке, вздохнул с сочувствием профессионального юриста:

– Что ж, это неизбежное зло. Зато потом, когда сам прокачаешься до семидесятого, уж никто не встанет тебе поперек дороги.

Скоффин спросил зло:

– А до этого времени я должен от них прятаться? И качаться тайком?

Николай сказал рассудительно:

– Слухи насчет засилья Player Killer'ов сильно преувеличены. Встречаются редко и, по сути, качаться не мешают. Ну разве что за все время убьют пару раз. Но если им не попадаться или вовремя убираться с дороги, то вообще можно избежать схваток с заранее известным концом.

Скоффин спросил с недоверием:

– Что, так редко?

– Клянусь!

– Что-то не верится, – буркнул Скоффин.

– Почему?

– Слишком велик соблазн утвердиться за счет более слабых, – объяснил Скоффин с обидой.

– Это есть, – согласился Кулиев. – Но что делать? Найти свое место в жизни легче, чем его занять. И вообще ничто так не убеждает, что жизнь прошла, как вскрытие.

Николай поддакнул:

– Насколько проще была бы жизнь, если бы дали в исходниках! Увы, такой баймы нет, где бы не резвились подростки и не портили нормальным игрокам жизнь. Кстати, твое стертое восстановить можно или ты не знаешь?

Скоффин оскорбился.

– Это ты не знаешь! А ты знаешь, что на это потребуется восемнадцать-двадцать часов?

Он с жадностью, как выползающий из жаркой пустыни, выдул две банки пива, перевел дыхание и цапнул третью. Эту уже смаковал, даже обратил внимание на корюшку и прочие деликатесы, что для любителей пива выпускают мелкие фирмы. Полное и вечно небритое лицо на глазах обретало относительно спокойное выражение.

Секира, четвертый из нашей компании, снисходительно улыбался и помалкивал. Он, как и почти все мы, играет только в онлайн. Все мы там умело читерим, но Секира сделал это профессией. На покупку внутриигровых вещей всегда нужны деньги, но не секрет, что купить можно и за реальные рубли или доллары, хотя в большинстве игр это запрещено. Кроме внутриигровых денег Секира наловчился получать впятеро больше лута с каждого моба. Правда, сперва он сгоряча взялся получать в сто раз, но хозяева сервера тут же вычислили и забанили. Второй раз был осторожнее, поставил «пятьдесят», но вылетел с такой же скоростью. Пришлось заводить третий аккаунт, что недешево, а самое главное – прокачивать чара до нужного лэвела, чтобы мочил хотя бы средних мобов. И вот теперь, продает лут на рынке, получает внутриигровые, копит и переводит в вмз.

Николай пошел еще дальше, у него с десятков ботов бегают по всей карте и набирают лэвелы. Конечно, время от времени админы их вылавливают и банят без права разбанивания, но в общем сальдо положительное. Успевают некоторых прокачать до заказанного уровня и продать. Покупатель не рискует: он играет честно, просто не умея читерить, бан не грозит. И дома рады: как же, сынок работает старшим менеджером, приносит неплохие деньги...

Кулиев, самый обеспеченный, читерит для собственного удовольствия. Ему в кайф взламывать защиту, менять мобам характеристики. Сам он почти в каждой игре через недельку уже наверху турнирной таблицы, у него лучшие доспехи, оружие, бижутерия, а в таких, как Эверквест, – два пятикомнатных дома с множеством мебели, картин, ковров и прочих излишеств. И, конечно, везде, где это возможно, у него самые дорогие животные, а то и ездовой дракон.

Когда вышли суперзащищенные баймы второго поколения, он не спал, не ел, дыр отыскать не сумел, зато взломал защитную стену, и вскоре у него были корабли, высшие показатели, свой замок и прочая-прочая.

В отличие от увлекающегося Николая или меня он не играл ни в одну из игр, в том смысле, как играют все: не повышал лэвел, не собирал лут, не дрался ни с мобами, ни с игроками, а, как хирург, сладострастно копался во внутренностях движка. Когда наконец-то понимал все законы и параметры, сразу терял интерес и тут же присматривал новую жертву.

Глава 2

Я потягивал пиво, покой и блаженное состояние постепенно расходятся теплыми волнами от желудка во все стороны. Даже в голоса перестаешь вслушиваться, то есть слышишь, но просто как разные звуки, дешифровальная машина в голове в положении «off».

И вообще все тело медленно, в этом весь кайф, очень медленно движется к этому «off». Народ собирается у меня, у остальных напряг с жильем: родители, бабушки с дедушками... Николай вообще в коммуналке. Есть на свете счастливы, деньги с неба падают: квартиры им халявные ввиду смерти каких-то двоюродных дедушек и бабушек, которых они и в глаза не видели. Знаю одного хмыря, у него уже четыре квартиры. Три сдает, в одной живет, денег навалом, пьет и девок водит – мечта моих приятелей.

Мы привычно на кухне, только добрейший Ворпед устроился в гостиной на диване, шелкает пультом перед жвачником. У меня он с диагональю в пятьдесят дюймов, это почти рекорд, и Ворпед не столько передачи смотрит, сколько рассматривает пиксели и юзает дополнительные настройки. Он из тех, кто всегда выжимает из железа максимум, а процы у него всегда разогнанные до предела. Просто так.

Кухня плавно переходит в эту гостиную, мы и отсюда видим огромный экран, похожий на голову фантастического робота. Закреплен не на стене, а на массивной подставке, это шея, а дальше целая куча металлических ящиков, представляющих торс: видеомэгнитофон с жестким диском, ресивер, саундбуффер. Сейчас уже начали выпускать «все в одном», но знатоки вроде меня пока что предпочитают настраивать по отдельности.

Хлопнула дверца холодильника, Скоффин на этот раз выволок упаковку бутылочного, бережно опустил на пол у стола. Успеваю увидеть янтарный цвет, стекло тут же покрывается плотным туманом.

– Странный ты человек, Владимир, – сказал он. – Ей-богу, странный.

– Чем же?

– У тебя три упаковки пива и пять пачек кофе.

– Ну и что? – удивился я. – Кофе уходит быстрее.

– Да я не о том... Понимаешь, кофе пьют одни люди, а пиво – другие. И тоже, как ни странно, люди. Пиво – чтобы расслабиться, побалдеть, словить кайф. А кофе – это натянутые нервы, это всегда на стреме, в голове шумит, какой там отдых...

Я подумал, развел руками.

– Да, противоречие... Но я, честно говоря, люблю и то и другое.

Рука привычно потянулась к бутылке с пивом. Кончики пальцев прикоснулись к запотевшему стеклу, в животе довольно квакнуло. Кишки завозились, устаиваясь поудобнее. Я взял бутылку в руки, подержал... Кресло крутнулось, так же автоматически я включил кофемолку.

Скоффин оглянулся на резкий звук размалываемых зерен.

– Ты чего?

– Да что-то захотелось, – ответил я.

– А, ну давай... а мы пивка, пивка.

Кофе я делаю постаринке в джезве и, пока следил, как поднимается коричневая пена, понял, что вот сейчас хочу именно кофе. Хочу именно напряга. Может, это желание ненадолго, но сейчас хочу всплеск адреналина.

Ворпед прибавил звук в жвачнике, я не оборачивался, услышал только, что Януковича избрали премьером, Юлия Тимошенко уходит в оппозицию, Израиль бомбит Ливан, наши что-то выиграли в теннис. Очередная катастрофа в воздухе: самолет разломился в воздухе. Министрство внутренних дел отвергает все подозрения в теракте. Погибли все пассажиры, экипаж, а в числе пассажиров двое инкассаторов, перевозивших в трех мешках выручку в размере

сорока миллионов долларов. Все это в четырех стандартных мешках. По-видимому, вместе с остальным багажом упадут в радиусе ста километров в Московской области в треугольнике между селами Квакино, Жабкино и Рапухино. Там небольшой лес, луг и болото.

Николай протяжно вздохнул:

– Сорок миллионов!.. Это в каждом мешочке по десять лимонов.

– Почему я не турист, – пробормотал Скоффин. – Оказаться бы в том месте... Иду себе, а с неба такой вот мешочек!

– И что с ним сделал бы? – спросил Кулиев.

– Как что? Пачки с долларами в рюкзак, в инкассаторский мешок камень и... в болото! А дома бы нашел, что с зелененькими делать...

– Да уж, – сказал из комнаты Ворпед мечтательно и даже перестал дергать пультом, – я бы тоже...

Они заговорили наперебой, каждый предлагал свои варианты, как потратить, куда вложить, куда поместить, какие акции купить, а может, лучше просто держать дома, ну их эти банки, теперь же все за прозрачность, я слушал краем уха, потом посмотрел и поразились их лицам: покрасневшие, глаза блестят, как у нарков, даже руки трясутся, будто уже спешно распахивают тугие пачки.

Я с чашкой кофе подошел к панорамному окну, моя квартира на верхнем этаже, люблю смотреть поверх домов вдаль. Вижу закаты и рассветы, бывают просто страшные в великолепии, будто небо завешено багровыми шторами, вот-вот раздвинутся, и...

Но сейчас взгляд уперся в эти дома, их сотни коробок, все испещрены точками окон. Жуть, сколько их. И я теперь тоже в одном из них и тоже один из них... из этого множества существ, что помещены в эти бетонные коробочки.

Ребята грызли корюшку, шумно хлебали пиво и все громче рассказывали, как лучше истратить миллионы долларов, что упали бы с неба. Я слушал, слушал, слушал, пока не всплыла неясная идея, не начала копошиться в мутной тине, пытаюсь обрести форму. Я старательно выуживал ее, стараясь подцепить за жабры, но пальцы скользили по чешуе, а поймать хотелось: рыбина, чувствую, крупная, а на безрыбье годится все....

– Алексей, – спросил я, – а сколько еще в баймах режется таких же, как ты? В смысле, взрослых?

Секира сдвинул плечами.

– Не знаю. Но, судя по речи, немало. Подростки общаются смайлами, значками да матом, а взрослые пишут длинные фразы. И, конечно, взрослые не матерятся.

– Совсем? – спросил я с недоверием. – Ты что, не материшься?

Он криво ухмыльнулся:

– В реале бывает. В байме – ни разу. Все-таки там не из-за чего... Подростки матерятся просто так! Бежит такое сопливое чмо и матерится по любому поводу и без повода. А ники, под которыми играют? Даже совсем нецензурное бывает...

Он говорил что-то еще, но я снова вернулся к тому месту, где мелькнула та нужная мысль. Да, кроме высшего образования надо иметь хотя бы среднюю сообразительность, но с этим повезло: мы все устроились так, как большинство населения земного шара только мечтает. В смысле, работаем ради денег от силы час-два, остальное на развлечения. В результате, как мне показалось, даже у ненасытного Аллодиса эти развлечения уже из ушей лезут.

– Нет, конечно, – продолжал тем временем Секира, – есть и приличные женские имена! Вон у меня были один раз напарницы Iolanda и Misery, очень милые и воспитанные женщины, но вы же знаете, что один трамвайный хам может испортить настроение всем в салоне!.. А в любой из онлайн-масс...

– И что с ними делать? – спросил Скоффин и сам же ответил уныло: – А ничего. Подымать культуру масс, как говорится, надоть.

Я молчал, сумасшедшая мысль пришла и... почти ушла, испугавшись, что заставят работать, а кто из нас не увильивает от работы, но я ухватил за хвост и не отпускал. Я тоже люблю балдеть и оттягиваться, но уже затрахало безденежье, сочувствующе-презрительные взгляды женщин и осознание, что годы уходят, мне уже почти двадцать восемь, еще не старость, но уже и не восемнадцать. Вроде только вчера, а на самом деле десять лет проскочило... Еще десять – и можно начинать готовиться на пенсию, так ничего и не совершив.

Итак, компашка у меня подобралась еще та. Такие же, как и я. Неудачники. Вот тот же Скоффин – редкостный мудила. Жена вьет из него веревки, подрастающая дочь обращается как с тряпкой, на службе начальство третирует, сам он дома угодливо раскланивается перед дворником и консьержкой, а то обматерят, те всегда чувствуют, на кого можно наехать. В автобусе у него трижды проверят билет да еще попытаются оштрафовать, но послушать его – он знает, как поднять экономику России, а то и всего мира, как справиться с тайфунами, обуздать инфляцию в Бразилии, установить справедливые цены на нефть, выиграть Суперкубок по футболу и сделать Россию столицей нанотехнологий.

Таковыми выдающимися политиками и общественными деятелями являются обычно подвыпившие мужички у пивного ларька или на кухне за бутылкой водки, они все могут и умеют в теории, страна у нас такая, но Скоффин все-таки, в отличие от них, умеет хоть что-то, и даже не просто «что-то», хоть и в очень узкой области, в нашей стране почти ненужной, потому большинство головастых программистов работает на западных заказчиков. Он тоже работал в фирме, разрабатывающей программное обеспечение, быстро достиг высокого положения в том смысле, что хоть и вытирают ноги по-прежнему, но платят в несколько раз больше, западники таких ценят, про равенство в оплате труда и не слышали, а недавно повздорил, ушел, а теперь страшится признаться дома, что уже не работает. Правда, умелый программист всегда сумеет заработать, не нарушая законодательство, как вон зарабатывают Секира и Кулиев.

Или вот Ворпед, ему пока только восемнадцать, он пристроился работать в компьютерном клубе, сумел так наладить работу, что прибыль превысила все ожидания инвестора, после чего его поставили начальником. И первое, что сделал, – это написал программку, что автоматизировала работу до предела, а сам с бутылочкой пива уединился у телевизора. Нет, футбол или хоккей не смотрит, до такого дна еще не рухнул, просто жвачник сумел приспособить как монитор и постоянно шарил по инету. Нам говорит, что тем самым учится, самая благородная отмазка лодырей: когда-то ведь надо начинать отдавать то, чему научился? Вечный студент – это трутень, пустоцвет.

Я налил кофе, отхлебнул, в голове сразу начало проясняться, будто проглотил пузырек тирозина. Уже другим взглядом обвел помещение: все балдеем, все хорошо вот так с банками или бутылками пива в руках, с корюшкой, таранькой, умело зажаренными сухариками...

Мне хотелось сказать как-то легко и без лишних эмоций, но как-то само собой прозвучало горько и безнадежно:

– А в самом деле... Неужели нам осталось только ждать, что в пролетающем небе самолете откроется багажный отсек и выпадет инкассаторская сумка с миллионом долларов? Не выпадет, ребята. Не выпадет. А если выпадет, то упадет под ноги другому. Давайте признаемся, что ничего нас не ждет. Слишком уж заботились о нас бабушки, носочки надевали до шестнадцати лет, носик вытирали. Карманные деньги у нас всегда были... из родительского кармана. Вот и не умеем сами зарабатывать.

Секира сказал с неудовольствием:

– Умеем. Мы как раз не дураки. Потому и сбились в компанию, что родственные души. Но вот стержня, ты прав, ни в одном... Слишком многие из нас... эти, отличники.

Я возразил невесело:

– Я как раз был двоечником. И за хулиганство чуть не вылетел... Но вот и я на мели, хлебалом щелкаю. Только и разницы, что мы не перед жвачником, а по сайтам шарим. Но по каким?

– Ну хоть не порнушным, – сказал Скоффин, защищаясь.

– Да и порнушные смотрим, – признал я безжалостно. – У каждого куча закладок. У меня десяток, у вас меньше? Да, смотрим и новости из мира нанотехнологий. Смотрим, кто какие движки создает, какие проги пишут. Ну и что? Чем мы лучше блондинки, что в инете ищет выкройку для Барби и сплетни про Бритни Спирс?

– Мы развиваемся, – ответил Скоффин упрямо.

И хотя я знал, что со Скоффином спорить бесполезно, он никогда не отступит, будет находить сотни доводов, но сказал хоть и ему, но не для него:

– До какого лэвела? Пока все на свете не узнаем?.. Нет, ребята, надо судьбу ломать. Если сумка с миллионом долларов не падает к ногам, то надо сцепить зубы и заработать этот миллион. Другие как-то могут? У нас есть головы, а еще самый главный стимул: в зеркало смотреть противно. Вся беда, что не можем сцепить зубы. Не можем сжать кулаки. Вообще не можем напрячься: все время расслаблялись и расслаблялись. И теперь уже не млекопитающие, а безвольные медузы. Даже грузчики вытирают ноги.

Кулиев криво улыбнулся:

– Эх, как по тебе кофею шархануло! Может быть, все-таки пивка? Успокойся...

– Нет, – огрызнулся я. – Вообще с пивом завязываю. Мне уже двадцать восемь, а все еще говно на палочке, ничего не стою. Дни рождения отмечаю, орел! Дожил, значит! А не потому, что сделал что-то. Не знаю, как вам, а мне хреново. Если не удастся что-то с вами замутить, буду ловить шанс соло.

Они посматривали, отводили взгляды. Внезапно Секира сказал со странной усмешечкой:

– Я уже начал к наркоте присматриваться. Сам знаю, что дорога в один конец... но хоть с ветерком, с кайфом! А тут только и того, что дорога длиннее и тоскливее. Но если что-то решим, я пока отложу... Честно говоря, уже купил и героин, и элсэдэ, и даже модную в этом сезоне белуху. Ты ж знаешь, я все достану... Присматриваюсь, с чего начать. Ты что предлагаешь?

Я сказал с нажимом:

– С наркотой пока погодить. У нас редкий случай: совпало время, место и наши возможности!.. Если упустим шанс, судьба второго не даст. Почему нам не попытаться создать вещь, на которой заработаем и вырвемся из нищеты? Я говорю о компьютерной игре. Онлайн-вой, конечно. Байме. Во-первых, мы все работаем с прогами. Умеем писать, умеем придумывать навороты. Сколько мы карт и модов напридумывали и запустили в мир от нефига делать? Сколько ню-патчей к самым защищенным играм? Во-вторых, мы все в этих мирах погрязли. Знаем, что это такое и какая это прилипчивая зараза. Знаем, какие деньги вкладывают потребители. Третье, самое главное – мы ничего лучше не умеем...

Скоффин сказал желчно:

– Самое главное не третье, а четвертое.

– Что? – спросил я с настороженностью.

Он вздохнул, опустил бокал с недопитым пивом, бросил короткий взгляд в сторону кофеварки.

– Мы все прижаты к стене. Отступать дальше некуда.

Некоторое время в комнате царил тягостное молчание. Только Кулиев время от времени прикладывал к губам баночку с пивом, но мне показалось, что именно прикладывает, а отхлебывать перестал. Юрист и сын юриста, он предельно осторожен в выражениях и оценках, никогда ни с кем не спорит, никого не критикует, полная противоположность Скоффину, и сейчас тоже выжидает. Но по тому, как насторожился, можно догадаться, что и его задело.

Я сказал уже с безнадежностью:

– Хорошо, признали, что сейчас ничего не значим. Но так и оставим?.. Или же попытаемся вырваться из этой трясины?

Кулиев спросил с удивлением:

– Ты что предлагаешь? Предпринимательство? Торговать шмотками? Или яблоками на рынке?

Я покачал головой.

– Смотрите, сейчас уникальная ситуация. Во-первых, мы все технически подкованы, мозги у нас на месте, только силы воли нет. И еще работать не любим. Правда, никто не любит, кроме психически больных, но мы же видим, как народ вкалывает? И видим, что Гейтсу никто не подарил его миллиарды: своим умом и трудом заработал. Примерно на том же, чем занимаемся и мы. Во-вторых, в мире сейчас бурно начинает развиваться совершенно новая отрасль... не для нас, для мира – онлайн-игры. Эту необъятную целину только начали ковырять детской лопаткой, а спрос на продукцию в тысячи раз превышает предложение. А в-третьих, что самое главное, мы в самом деле настолько прижаты к стене безденежьем, настолько устали от этой нищеты... что я даже не знаю! Одно скажу: второй раз такой шанс может не выпасть.

Скоффин хотел что-то возразить, я видел по его лицу, как это иметь возможность возразить и удержаться, но вдруг осекся, начал осматриваться, вглядываться в наши устало-разочарованные лица. Пока он думал, Секира проговорил с неловкой улыбкой:

– Владимир прав, спрос на онлайн-игры просто бешеный, а мы как раз умелые программисты... Может быть, не самые лучшие в мире, но мы умелые, в меру беспринципные, в меру играющие с законом, что немаловажно для любого успеха... Это совпадает. Да и безденежье – прекрасный стимул. Но я что-то не понял... ты предлагаешь, чтобы мы вот так сели и написали компьютерную игру? Да ты хоть представляешь реально, во сколько это обходится? И по времени, и по деньгам?

Я развел руками.

– Прекрасно представляю. Я тоже читаю новости, по мэйлу идут. В среднем игра разрабатывается года два-три, а обходится миллионов в три-пять. Это на Западе, который теперь в Корею и Китай. А у нас онлайн-игры разрабатывают пять лет, на это тратят полмиллиона долларов, а потом о ней забывают. Скажу сразу, что когда мы вот так прижаты к стене, то работать могли бы больше чем шесть часов в сутки... и без выходных. Это сократило бы срок до двух лет, а то и до года. Вместо пяти миллионов нам хватило бы и ста тысяч долларов. При условии, что все мы будем пайщиками игры. И если она удастся, то будем стричь купоны...

Скоффин сказал нетерпеливо:

– Согласен-согласен, если касается меня, хотя и не верю, что все будут работать по двенадцать часов в сутки. Это в первые дни, а потом начнется: а чего этот козел работает меньше меня, а что мне больше всех надо... У нас ведь Россия, где якобы коллективизм и соборность, но я еще не видел таких индивидуалистов. Русские не умеют работать в команде.

– Я хохол, – сказал Секира живо. – По бабушке. А хохлы какой цикл про казаков закатали?

– Они не совсем хохлы, – уточнил Скоффин ядовито. – Это юсовская компания на Украине. Хоть работают там хохлы, но с кнутом и куском сала в другой руке над ними стоит менеджер-юсовец.

Секира сказал безнадежно:

– Ну вот, на этом и прогорим. Мы же все индивидуалы! А абсолютно все на свете рассматриваем, как посягательство на нашу свободу!

Кулиев наконец опустил баночку с пивом на стол, но из ладони не выпустил. Лицо бесстрастное, таким же бесстрастным голосом произнес:

– Женщинам в мужчинах нравятся больше всего вторичные половые признаки – дача, машина, зарплата... А мы что-нить на этой байме огребем?

– Огребем, – ответил серьезно Скоффин. – По самые помидоры.

Секира сказал сердито:

– Ну что ты пугаешь ребенка?

– Да это я так, чтобы слишком не воспарял. Огребем, но не скоро. И то если сумеем... На разработку игры уйдет года три. Два – это Володя то ли оптимист, то ли ловит нас на крючок.

Глава 3

Николай в глубокой задумчивости барабанил пальцами по крышке стола. Неплохой гитарист, у него там, где у других подушечки, костяные наросты, звук получался таким, словно с горы на асфальт сыплется крупная галька. Скоффин недовольно хмурился, ерзал, наконец подтолкнул его локтем.

– Ты что, нервный?

– Я? – удивился Николай. – С чего взял?

– А чего галопируешь по столу? Пойди побегай вокруг дома!

Николай посмотрел на свои широкие ладони, со стола убрал, но сказал снисходительно:

– Нервный не тот, кто вот так барабанит, а тот, кого это раздражает. Этот вообще псих!

Кулиев наконец произнес задумчиво:

– Все верно, никто нам не поможет, кроме нас самих.

– Это хорошо, – ответил Секира бодро. – Пусть помогают. А где они живут?

– Кто? – удивился Кулиев.

– Да эти нассамихи. Хоть раз почувствовать себя голодающим негром, которому помогают, помогают, помогают...

Скоффин сказал раздраженно:

– Это неграм помогают, потому что они никому не соперники! А нам хрен кто поможет. Еще и притопят. Так что либо сами выбираемся, либо тонем.

– В этом, в выгребной яме, – ехидно сказал Николай.

Скоффин сказал еще недоверчиво, но я видел, что начинает загораться:

– Хорошо, но все мы программеры... А для игры, как догадываюсь, этого маловато.

– Тепло, – сказал я. – Обычно эту истину не могут понять даже в могучих студиях, где ворочают миллиардами. Игру по пять лет делают программеры, а потом хозяин не понимает, почему никто не играет в их заранее разрекламированный хит. У меня есть знакомый писатель, талантливый, злой и острый. Уже три года в хит-парадах первый. Правда, старый, ему сорок два года, но с виду не скажешь. Он еще и на велосипеде ездит, сам видел.

Кулиев спросил осторожно:

– А почему такой захочет работать с нами? Или его не печатают?.. Тогда на фиг он нам?

– Как раз печатают, – заверил я. – Огромные тиражи! Но настроение у него хреновое, все говорит про закат бумажных книг. Гонорары его падают из-за пиратства... Словом, уже говорил мне, что его профессия отмирает, как отмерли ямщики и трубочисты, надо б присмотреться к чему-то поперспективнее... На этом можем заарканить.

– Сорок два года? – фыркнул Кулиев. – На фиг ему что-то перспективное? Скоро в могилу пора!.. Когда такому переучиваться?

Скоффин возразил:

– А нам какое дело? Если окажется удачным членом команды? Лишь бы свое дело знал. А переучиваться ему особо и не надо. Он и будет писателем, а не программером.

– Свое дело знает, – заверил я снова. – Завтра же с ним переговорю. Нет, сегодня позвоню, а завтра встретимся. Железо надо ковать, пока драйвера на месте.

Они завозились, Скоффин зажужжал кофемолкой. Впервые за годы наших встреч для кайфа и балдежа пиво забыто, корюшка не сжевана. Взбадривающий запах кофе поплыл в нашу сторону сперва от кофемолки, потом от плиты. Я видел, как начали оживать лица, глаза заблестели, мы как будто начали снова пробуждаться к жизни, ибо то, чем жили, – не совсем жизнь, а безбедное существование людей, у которых совершенно нет ни амбиций, ни запросов.

Кулиев спросил неприятным трезвым голосом:

– А где возьмем денег?

Вопрос повис в воздухе, тишина встала напряженная и неловкая. Все старались не встречаться друг с другом взглядами.

– Самый лучший вариант... – заговорил я осторожно, – это не брать денег вообще. Это идеальный вариант. Мы достигли того уровня жизни, когда для существования нам нужно поработать полчаса в день. Яхты так не купишь, зато жить можно почти на халяву. Но я понимаю, что все мы из того теста, что если уж работать по несколько часов в сутки, то все предположили бы ежемесячно получать твердую зарплату. Верно? Верно. Но, как сами понимаете, чтобы получать зарплату, мы должны продать игру заранее. Отказаться от прав на нее полностью.

Я умолк, ждал реакции, они все так же переглядывались украдкой, елозили взглядами по столу. Скоффин сказал с нервным смешком:

– Володя, ты очень хорошо обрисовал ситуацию. Мне кажется, лучше синица в кулаке, чем в другом месте. В смысле, лучше небольшая зарплата каждый месяц, чем ожидание большого куша в далеком будущем.

– Верно, – согласился Кулиев. – Правда, игру надо еще продать. В смысле, подыскать инвестора.

Я провел взглядом по остальным. Секира ухмыльнулся, Скоффин смотрит прямо и бесстрашно, он так всегда скрывает растерянность, заговорил дотоле молчавший Ворпед:

– Зарплата, хорошо... но, как Володя верно сказал, мы ее и так получаем. А кто не зарплату, то все равно... получает. Вон Алексей подчитерил в Варкрафте, сто долларов за вчера заработал. А всего минут десять бота гонял, лут собирал. Ему зарплата мало что добавит. Как и мне, честно говоря.

Я переспросил:

– Ты за то, чтобы все права оставить за нами?

Он кивнул:

– Да. Я могу поработать на энтузиазме. Все равно время улетает на какую-то хрень, а утром только голова болит, и в горле кактус...

– Я тоже, – сказал Секира. – Только это не на энтузиазме. Просто выдача денег отсрочена. А приблизить или отдалить срок – зависит от нас.

Скоффин усмехнулся:

– И размер стопки денег! Я что-то слышал насчет пачки толщиной с тележное дышло, как мечтал О.Генри, но теперь это уже не деньги. А вот бы пачку, чтобы заткнуть пасть бегемоту... Лучше нильскому, они крупнее.

Он начал раздвигать пальцы, прикидывая размер стопки, а в глазах замелькали цифры, как в окошке калькулятора. Кулиев, поколебавшись, сказал:

– Я тоже бы рискнул... насчет отсрочки. Но только какие-то начальные инвестиции все равно потребуются. На мощный сервер, на отладку...

Скоффин хохотнул.

– Ты еще скажи, на покупку лицензионных программ! В инете есть все. А начать можно и на наших компах. Что-что, а компы у нас самые мощные. И видюхи меняем, как только, так сразу.

Кулиев кашлянул, все моментально повернули к нему головы. Молодец, мелькнуло у меня. Парень моложе всех, но уже умеет себя поставить. Из-за того, что никогда не высказывает резких суждений, выглядит умным и рассудительным, к его мнению начинают прислушиваться.

– Кстати, – проговорил он медленно, – я хоть и сторонник демократии, но я понимаю, даже в нашем коллективе анархистов должен быть руководитель, генерал, босс, шеф. Вы как хотите, но я вижу в этой роли только Владимира.

Я пробормотал:

– Почему меня? Скоффин лучше компы знает... Секира самый великий читер!

Скоффин помотал головой.

– Я тоже за Владимира. Понимаешь, дело даже не в том, что ты выдвинул эту идею, хотя уже только за это надо... но ты единственный, кто постоянно что-то делал.

Я поморщился:

– Не напоминай! Не было дела, которое я не провалил.

Скоффин погрозил пальцем.

– Были форс-мажоры. «Черный вторник» обрушил экономику всей России, не только твою фирму. А потом тебя кинули те, кому ты доверился. Но дело твое процветало. А потом тебя бабы подвели... Но все равно, даже сейчас, когда ты вроде разорен полностью, у тебя помимо этой квартирке на Тверской... уж и боюсь представить, сколько она стоит!.. скромненький такой особнячок со своим бассейном, теннисным кортом и гектаром земли... Никто бы из нас, у кого дела вроде бы хорошо, не отказался бы от твоей нищеты! Но главное, ты и сейчас барахтаешься, а мы плывем по течению, как говно какое...

Секира уточнил до жути трезво:

– Не плывем. Нас несет.

– И на каком повороте выбросит, – добавил Скоффин, – не знаем.

Они все смотрели на меня, я видел, как на лицах тех, кто вообще не думал пока о надсмотрщике, проступает то выражение, с которым принимаем решение идти к зубному врачу. Мучительно не хочется, но... надо.

Скоффин сказал со вздохом:

– Володя, мы тебе подсовываем здоровенную свинью, но ты пойми, что никто из нас роль пахана не потянет. Мы все хороши в оппозиции, чтоб погавкивать и критиковать...

– В этом и я хорош, – буркнул я. – В этом я вообще орел.

– Но ты еще и работать умеешь! Организовал четыре фирмы, четырежды тебе подставляли ножку, но ты поднимался из нокдауна. Давай поднимайся и сейчас. Заодно и всех нас поднимешь. Надоело перебиваться чистерством. Было бы мне одиннадцать лет – гордился бы, но в двадцать четыре... гм, надо что-то такое, чтобы сам себя уважал.

Он смущенно разводил руками. Я посмотрел на других.

– Хорошо. А то сам завел разговор, а сам начинаю интеллигентничать... Итак, беремся. Беремся со всей дури, а то если начнем с прохладцей, то это затянется на сто лет... а потом другие дела найдутся. Будем стараться сделать все одним рывком...

– Рывок на три года? – сказал Скоффин скептически. – Пусть даже на год?.. Володя, люди теряют энтузиазм через пару недель.

– Знаю, – огрызнулся я. – Но я планирую у всех перед мордой повесить такую морковку... что и сам за нею побегу! Это уже не энтузиазм, а рынок. Если игра получится, это уже будет не игра, а байма. Мы отхватим куш в десятки миллионов долларов. И мечта о сумке с миллионами осуществится. Только не придется с нею прятаться, а, напротив, можно все выставить напоказ перед бабами! Ну, я говорю о Николае, а так вообще можно и не только перед бабами. Не украл, а заработали. Своим умом.

По их лицам видно, что этим хвастаться хочется больше всего. Хотя деньги везде одинаковые, но как-то на перепродаже зарабатывать не так хочется, или на чистерстве в особо крупных размерах. Хочется не только крупный и вполне легальный бизнес, но и уважаемый именно в наших кругах: высокие технологии, инновации, венчурность, изобретения...

Скоффин пошарил по полкам, довольно охнул, отыскав запасы сдобного печенья. Хорошо упакованные в вакуумной оболочке они могут ждать годами, пока о них вспомнят, и не потеряют ни свежести, ни вкуса. Хрустя целлофаном, распечатывал, выкладывал на широкую тарелку с низкими бортами. Кулиев молча и как можно незаметнее убрал пиво и остатки

рыбы, как-то сразу ощутилось, что они здесь неуместны. Более того, у каждого, как чувствую по себе, растет ощущение, что это, мол, мы так опустились: пьем пиво, жрем рыбку...

Я молчал, собираясь с мыслями. Помню, в детстве читал рассказ какого-то англичанина, кажется, Ликокка, там он идет с двумя знакомыми дамами, в это время мимо проносится роскошный автомобиль, и одна говорит с глубоким сочувствием:

– Генри поехал... Бедный... Он полностью разорился на последней сделке с нефтью...

– Да, – поддержала вторая, – он потерял все, несчастный.

– Как он теперь будет, не представляю...

– Он разорен, полностью разорен...

Герой рассказа вступил в беседу и поддакнул:

– Бедолага. Теперь ему придется расстаться и с этим авто?

– Да, – подтвердила дама, потом задумалась и сказала: – Нет, вряд ли. Он к нему слишком привязан.

– Да, – сказала вторая, – есть вещи, с которыми не расстаются.

И дальше герой узнал, что бедный Генри и с яхтой за сто миллионов долларов не расстанется, он ее слишком любит, да и спортивный городок в Лос-Анджелесе не продаст, он сам его проектировал, и рыболовецкую флотилию вряд ли продаст, сам когда-то служил матросом... Да и с заводом по производству тракторов не расстанется, любит деревню...

У меня, конечно, после разорения не осталось яхты за сто миллионов, я в самом деле потерял практически все, то есть все капиталы, но осталась эта квартира, два автомобиля, коттедж в ближайшем Подмосковье и недостроенный двадцатипятиэтажный дом в Подольске. Через три месяца его вроде бы примет госкомиссия, но квартиры продавать уже можно. Просто цены в Москве на жилье растут по десять процентов в месяц, все время откладываю массовую продажу, а все по одной, по две...

Это солидный запас вложенных денег, который можно перевложить в игру. В Юбисофт или в НСсофт это не сочли бы за большие деньги, но для неизбалованных российских разработчиков это вполне, вполне. Я слушал разговоры, уже знаю, к чему придут, не маленькие, и вот наконец Николай вздохнул, помотал головой.

– Как хотите, но я на голом энтузиазме долго не проработаю. Слабый я! И хорошо это знаю. Уже не раз прокалывался.

– И я, – поддержал Скоффин. – Слушай, Володя, у тебя ж остались деньги. В смысле, вложенные во что-то. Как насчет того, чтобы выплачивать нам зарплату... э-э... скажем, по минимуму?

Я оглядел остальных, Кулиев смотрит на Николая и Скоффина осуждающе, Ворпед с одобрением, Секира морщит лоб, еще не придя к решению.

– Если я буду платить вам, – ответил я, – то собственником баймы становлюсь я?

Николай запротестовал:

– Ну да, мы будем вкалывать, а ты все загребешь?

Я отпарировал:

– А если все рухнет? Вы ничего не потеряете, зарплату получали, а я потеряю все вложенные в это дело деньги.

Скоффин сказал рассудительнее:

– погоди, Николай не говорит, чтобы ты оплачивал его рабочий день по полной ставке. Насколько я понял, он говорит о минимуме. То ли прожиточном, то ли еще каком. Но мы все равно будем стремиться закончить байму и получить за нее деньги. В этом случае мы тоже должны что-то получить помимо зарплаты. Ибо только за минимальную зарплату и я работать не стану.

– Хорошо, – сказал я, чувствуя себя в своей стихии. – Что вы хотите предложить? Вернее, получить?

Ближе придвинулись и Ворпед с Николаем, в денежных вопросах обычно молчаливые до застенчивости. Пошел разговор горячий и бестолковый. Я удивлялся их наивности, а ведь когда работают с прогами, то эта такая круть, что все президенты всех стран перед ними просто мелкие мыши. Сейчас же ну как дети, почему-то уверенные, что им все должны дать просто вот так задаром. Как давали когда-то папа и мама. А государство вообще-то должно их кормить, учить, лечить и развлекать за какие-то свои деньги. Которые, видимо, государству все время с марсианского НЛО падают.

– Ребята, – сказал я проникновенно, – так мы ни до чего и не договоримся, так что предлагаю эту тему оставить вообще. И разговор считать несостоявшимся. Вы хотите и рыбку съесть, и невинность соблюсти. Теперь я понимаю, почему крохотная Корея завалила мир онлайн-выми играми, в которые режется все человечество, а огромная Россия, кроме тетриса, ничего не создала. Давайте забудем этот разговор. Костя, там еще осталось пиво? Ну его на фиг этот кофе...

Кулиев молча вытащил и подал мне зеленую прохладную баночку. Все молча поглядывали, как я отсел на диван и включил жвачник. Скоффин провел ладонью по лицу, нервно засмеялся.

– Да, ты прав. У нас главное: почему тот козел работает меньше, а получает больше? И не докажешь, что тот козел работает не меньше, а больше. Все мы ревниво следим, чтобы не переработаться... А корейцы пашут, вот они коллективисты. Я приношу свои извинения за чрезмерную русскость. Прошу Володю написать договор, я его подпишу.

Я молча наблюдал, как на широком экране Ван Дамм месит проклятых русских дебилов, переключил на другой канал, там Сталлоне гасит русских идиотов, поморщился и переключил дальше, но там агент ноль-ноль-семь долбит русских придурков, заодно на захваченном у русских танке разносит Петербург. Пощелкал дальше, но везде русских отморожков... а русских, видать, кроме дураков, козлов и полных идиотов вообще нет, мочат пачками Брэд Питт и масса третьестепенных актеров, а русские козлы у них только в качестве вяло передвигающихся мишеней...

Скоффин повторил:

– Володя, пиши договор.

Раздался голос Николая:

– Он прав, пиши договор. Что это с нами?.. Как будто ты враг какой, а мы торгуемся, сколько атомных подлодок уничтожить.

Я пожал плечами:

– Знаете, я написать могу. Но уже вижу, что, если подпишу эту глупость, это будет мой крупнейший провал. Вы сами знаете, какие из вас работнички.

Договор все, однако, читали внимательно, хотя я все изложил на половине листка в терминах, которые другого истолкования не допускают. Создается закрытое общество с ограниченной ответственностью, доли распределены в процентах, мне – пятьдесят один, всем остальным – сорок девять.

Скоффин вздохнул.

– Ну вот и закончили это неприятное дело. Вообще-то мы очень уж русские: или все или – ничего! Я ведь готов был работать бесплатно. А потом что-то гаденькое проснулось и подняло голову: а почему этот козел загребет себе половину, а нам достанутся мелкие проценты? Понимаешь, не потому, что мне мало, а потому, что тебе – много!..

Кулиев сказал с неудовольствием:

– Ну при чем здесь русские? Анекдот про корову соседа у всех народов родной. Просто другие уже научились сдерживаться, а у нас система «равенства в оплате» рухнула совсем недавно. Мы еще там, в социализме. Володя уже успел выкарабкаться, а мы еще нет. Но сейчас договорились, договорились! Где поставить подпись?

- Вот здесь, – сказал я, – и здесь. И вот здесь. На всех экземплярах. Так надо, ребята.
- Да верим, верим. Когда начнем?
- Сейчас, – ответил я. – Немедленно! Пока энтузиазм не выветрился.

Глава 4

На другой день с утра холодный ветер, я прикрыл окна, кондишен позаботится о температуре и влажности, в квартире мирно и очень уютно. Отправился на кухню, я не могу стряхнуть сон, пока в желудок не провалится две чашки горячего крепкого кофе, в прихожей раздался звонок. На крохотном экране домофона появилось лицо Аллодиса, еще одного из нашей компании, который появляется все реже и реже.

– Привет! Не разбудил?

Даже на экранчике видно, что, несмотря на дикую рань, одет в своем коронном стиле: с подчеркнутой небрежностью. Над такой небрежностью надо потрудиться больше, чем над тщательным подбором галстука, носков и ремня, как всегда делает Кулиев.

– Шутишь, – буркнул я и нажал кнопку. – Ранняя пташка уже ноздри чистит.

Там внизу дверь щелкнула, разблокировавшись, Аллодис исчез с экрана. Через пару минут снова звякнуло, его физиономия появилась уже на этаже перед закрытой дверью, перекрывающей доступ к квартирам. Я тут же нажал вторую кнопку, а третьего звонка, уже в дверь моей квартиры, ждать не стал, отправился в прихожую и открыл дверь, когда он тянул руку к кнопке звонка.

– Ого, – сказал он довольно, ноздри большого хищного носа задергались, – как здорово пахнет... Пелагрийское?

– Просто кофе, – ответил я. – А нужны тонкости – читай этикетку.

Он протопал на кухню и сразу налил себе большую чашку. Я поглядывал на его широкую спину, прикидывал, удастся ли заарканить. Аллодис всегда блистал идеями и умением решать самые сложные задачи до смешного примитивными способами. Но и он, который по всем данным должен бы управлять высокотехнологичными империями, корпорациями и международными холдингами, работает в какой-то простенькой конторе, обеспечивая ей безопасность от вторжения хакеров и прочих троянов.

Никакого самолюбия: красавец, высок ростом, обаятельная улыбка, без труда заводит друзей, но вот что-то не так пошло или не туда повернуло, но он тоже из тех, кто мог бы намного больше, но... раз на блюдечке с голубой каемочкой не преподнесли, сам выцарапывать не станет.

– И что, – спросил он недоверчиво, – в самом деле едут?

– Да, – ответил я.

– И даже Кулиев?

– И даже Кулиев.

– С ума сойти... Чем ты их завел, что даже такую соню...

– Увидишь, – сообщил я. – Они уже подъезжают.

Вчера мы разошлись за полночь, да еще не все живут близко, тем удивительнее, что Скоффин уж миновал последний светофор, Кулиев и Ворпед позвонили с дороги, что будут через четверть часа, а Аллодис, которому вчера о нашей идее рассказали по телефону, явился в такую дикую рань.

Умелый программист и отчаянный выдумщик, он от избытка сил и времени все еще держит шардовый сервак с ВоВом, а еще один – с Линейкой. Что-то зарабатывает, ибо продает игровые блага за реал, но жаловался мне, что такое занятие слишком просто для него, хотя я, к примеру, был ошеломлен масштабами его работы. Он во вселенной Варкрафта, оставаясь админом, стал, по сути, всемогущим богом. В любой момент мог поменять параметры как лута, так и мобов или игроков, заранее подготовить какую-нибудь локацию с новыми монстрами, а затем при рестарте быстро заселить их.

Он дал мне чара высокого лэвела, создав его тут же по моему желанию, и предложил сходить в высокую башню, куда игроки повадились большими партиями за выгодным дропом и высокой экспой. Дошло до того, что в больших залах не оставалось места для кача: три-четыре фулл-пати воруют друг у друга мобов, ссорятся, напускают друг на друга паровозы, то есть напарник пробегает через стаю, дразнит всех, они бегут за ним гурьбой, он приводит к нужному месту, сам падает и прикидывается мертвым, а то и просто рестартится, мобы бестолково топчутся на месте, а стрелок или маг безнаказанно бьет их сверху с какой-нибудь скалы или башни замка, ничем не рискуя.

Это я заметил, но был плановый рестарт на пять минут, а когда игроки снова вошли и привычно направились на хлебные места, их ждал неприятный сюрприз. Пассивные мобы вдруг стали агрессивными, одиночки начали проявлять стадное чувство, то есть стали социалами, а при переходе с этажа на этаж на лестнице расположились на одних рейд-боссы, на других лучники, умеющие замораживать почти на минуту, а на третьих просто по два-три стражника, играющих в кости, но попробуй пройди мимо...

Я поневоле веселился, видя, как уверенные игроки то и дело попадают впросак, хотя тем, на кого набрасывались вроде бы смирные еще вчера мобы, веселья было мало.

– Рассредотачиваю, – объяснил тогда Аллодис и добавил гордо: – У меня лучше, чем на офе!.. Там тоже прут в эту башню, я видел. Баланс здорово нарушен. Здесь лута больше, чем в других местах. Кто это сообразил, тот все время здесь пасется!

– А ты за справедливость?

– Я за баланс, – объяснил он. – Если равные условия будут везде, народ не станет грызться за хлебные места.

Сейчас мы вместе попиваем горячий кофе, Аллодис тоже невыспавшийся, но он всегда такой, выслушивал мои доводы, морщился, кривился, наконец сказал почти с отвращением:

– Я совершенно уверен, что у вас ничего не получится. Абсолютно! Не те вы люди. Я буду полным идиотом, если присоединюсь к вам!

Я сказал с сожалением:

– Жаль. Вообще-то рассчитывали на тебя.

– Да вижу, мне вчера по телефону и Костя, и Ворпед, и даже Николай такого наговорили! Один ты не позвонил, свинья! Разве ж можно передавать приглашение заглянуть к тебе через кого-то?

Я пробормотал:

– Мы друзья такого лэвела, что приглашать и не надо. В любое время, хоть ночью... Жаль только, что отказываешься.

Он допил кофе, с сожалением посмотрел на пустой кофейник.

– Можно еще?.. Кстати, а кто тебе сказал, что отказываюсь?

Я пробормотал, сбитый толку:

– Но ты же сказал насчет идиота...

– Так я и есть идиот! Знаю же, что идиотизм, что ничего не получится, но... я с вами.

Я развел руками.

– Ну, ты меня ошарашил. Это что же за философия такая?

Он горько рассмеялся.

– Какая философия? Потом буду рассказывать, что мы делали самую лучшую игру всех времен и народов. Самой Юбисофт собирались утереть нос. Но малость не рассчитали силы и... надорвались.

Я спросил, снова сбитый с толку:

– А... зачем?

– А что еще? Ну не приму участие в вашей дури. И что? Буду рассказывать, что всю жизнь держал шард? Так их сейчас куча мальчишек держит. Да и вообще... Все-таки шард –

это пиратство. В конце концов наступает момент, когда хочется и самому что-то попробовать сделать. Пусть не получится... Но хоть пытались!

Раздались один за другим звонки, я включил кофемолку и поставил на плиту самую большую джезvu. Скоффин, Кулиев и Ворпед ввалились вместе, созвонились по дороге, а чуть позже, как чертик из коробки, возник Николай. Я даже не заметил, когда он появился, будто вошел через пространственный портал прямо в кабинет, а оттуда пришлепал в моих тапочках к нам на кухню.

Все поздравляли Аллодиса, его все любят, он пытался говорить, что еще ничего не решил, но махнул рукой и подсел к столу. Скоффин уже развернул там большой лист бумаги: по-старинному, как бы подчеркивая значимость момента. Некая религиозная группа до сих пор делает обрезание каменными ножами, ибо любая древность освящена уже тем, что древность, мол, от самих истоков, даже от богов, так и плотный лист бумаги, в отличие от привычных экранов ноутов, подчеркивает торжественность деяния.

– Вот тут я набросал ключевые моменты, – сказал он. – Движок, дизайн игрового мира, персонажи... отдельно место для фичей, которые придумаем исключительно мы. Коля, ты что-то странно смотришь, фици будут! И придумаем их исключительно мы.

– Да я что, – пробормотал Николай. – Просто не верится даже, что сделаем то, что так хочется сделать...

Воздух пропитался ароматом хорошего кофе, вечно голодный Секира сходил к холодильнику и, вытащив пакет со сдобными булочками, поставил разогреваться в автоматическую духовку. Все пили кофе, отогреваясь и просыпаясь окончательно. Все привыкли сидеть на чудовищных дозах кофеина, но еще никто не попросил у меня пепельницу. Я сам бросил курить лет пять назад, а остальные – даже не знаю, кто когда. Из нас если кто и пробовал наркотики... и сейчас иногда, да, совсем в экстренных случаях, то не успокаивающие, а, напротив, подстегивающие нервы, заставляющие сердце стучать, а мозг работать на повышенных оборотах.

Все смотрели, как я поднялся, но я сам решил, что это глупо, словно на отчетном собрании перед залом акционеров, махнул рукой и сел.

– Давайте сперва определимся, – произнес я твердо, – что есть ММОППГ, то есть байма. Николай возразил с недоумением:

– Этому полно определений.

Я сказал настойчиво:

– И что? Мы же знаем, что мы самые умные и самые крутые на свете. Так на фиг нам какие-то вялые и очень осторожные определения, после которых остается ощущение, будто пожевал вату?

Кулиев растянул рот в улыбке профессионального юриста.

– Владимир прав. Если определения нас устраивают, то их принимаем. Если не устраивают... их все равно принимает нормальный простой народ. Но мы к простым не принадлежим, верно? Так какое определение предлагаешь?

Я проворчал:

– Благодарю за понимание, но не так сразу. Напомню, что в искусстве каждый начинает с белого холста, белого листа бумаги или разлинованного нотного. Однако наука и техника опираются на открытия предшественников. Когда выпускают новый автомобиль, это не значит, что для него даже сталь вправляли особую! Наоборот: и шины, и двигатель, и стекла – все от других производителей, что используются давно в других машинах. Однако автомобиль все-таки новый. Так вот байма, если кто еще не знает, – дитя науки, техники и искусства.

Слушают внимательно, и хотя у каждого на морде написано слегка скептическое: говори-говори, я все равно умнее, но пока не перебивают, уже хорошо.

– Это очень важный момент, – продолжал я твердо. – Мы не будем изобретать велосипед! Во всяком случае, не станем изготавливать шпиды поштучно. Сборка из блоков пришла даже в искусство! В каждом боевике после одинаковой бешеной гонки по городу одинаково взрываются и переворачиваются автомобили, герои одинаково стреляют из двух пистолетов, одинаково бегут от вот-вот готового взорваться устройства, и оно взрывается в тот миг, когда почти убежали, и взрывная волна подбрасывает в красивых позах, но не калечит...

Секира врубился первым:

– Ты предлагаешь взять готовую схему баланса?

– Да, – сказал я раздраженно, потому что сейчас начнутся упреки и доказательства, что «надо играть честно». – Да! Это самое трудное в любой игре, но абсолютно не замечаемое играющими и – самое главное! – ими как раз не требуемое. Более того, мне намного проще переходить из ВоВа или Линейки, если в новой байме сразу ощущаю знакомый баланс. Мне переучиваться не нужно! А то, похоже, что для прочтения новой книги мне нужно всякий раз учить новый язык!

Они помалкивали, я видел смешанные чувства на лицах. Хотя все мы в какой-то мере нарушители закона, но это тайком, никто не знает, а здесь как бы заявить громко: да, украли! Ну и что?

Я поморщился.

– Пора признать, что это не воровство, а общенаработанная копилка. Как фонд науки, как фонд наработок в технике. Все игры писали заново, когда это было на уровне тетрисов, диггеров и первых квестов. Это отношение перенесли и на более крупные игры, тем самым расходуя силы весьма... непроизводительно. Но сейчас, когда мы подошли к гигантским объемам работ, просто глупо все делать заново. Достаточно и того, что придется делать собственный движок. Это основа основ, а остальные прикрасы проще взять готовые... как обязательно взрывающиеся подобно бензовозам легковые автомобили. Сколько видел, как сталкиваются в рилайфе, но никогда не взрываются, даже не горят, а в кино такая фаербольня, будто всякий раз разбивается самолет-автозаправщик с полными цистернами бензина для эскадрильи!

Скоффин подумал, кивнул нерешительно.

– Это сократит фронт работ на треть. Хотя и стремно...

– Кто-то должен сделать это первым, – сказал я зло. – Мы как раз и станем первыми! А за нами ломанутся остальные. Вы же знаете, стоит одному сделать что-то клевое, как появляется толпа клонов. Хоть в кино, хоть в реале, хоть в играх. Главное – увидеть: а, это уже делают!.. А, это уже носят!.. А, этим уже пользуются!..

Некстати громко зазвенел мобильник. Я поморщился, хотел напомнить, чтобы хотя бы перевели на виброзвонки, а лучше чтоб на какое-то время отключили вовсе, как с неловкостью сообразил, что звонят мне. Извинившись, откинул крышку и отошел в сторону. На экране улыбающаяся мордочка Габриэлы.

– Привет!

– Привет, – ответил я тихо, – извини, мы тут совещаемся...

Она спросила с удивлением:

– Ты разве не дома?

– Да дома, дома...

– Так какое может быть совещание в постели? Ну ты свинья...

– Какая постель, – запротестовал я, – в самом деле совещаемся, как начать новое дело!

– Тебе мало прошлых крушений?.. Да и брешешь все. Вот возьму и приеду.

Я вздохнул.

– Приезжай. Только предупреждаю, трахать себя не дам, а вот за булочками сбегать заставлю.

Она фыркнула.

– Думаешь, испугаюсь и не приеду? Я же знаю, что у тебя какая-нибудь рыжая нежится...

– Приезжай, – ответил я коротко. – Потом на себя пеняй.

Отключив звонок, я вернулся к столу. Секира как раз говорил с величавой задумчивостью:

– ...есть еще одна трудность. Можно даже сказать, опасность.... Да, опасность на нашем тернистом пути.

Аллодис вертел в пальцах пустую чашку, с тоской заглядывал на пустое доньшко.

– Ну что еще? – спросил он устало.

Секира вытащил из папки листы с мелко отпечатанными буквами и бросил на стол.

– Ознакомьтесь. Я как-то наткнулся на одном из форумов. Заинтересовался, прошелся поиском, волосы встали дыбом! Это типичное, ребята... Мне просто нехорошо.

Глава 5

Я взял листок, глаза сразу ухватили насмешливо-ернический заголовок: «Приветствую небожителей!.. Я простой и самый обыкновенный человечек, с восторгом смотрю на вас и даже не понимаю, на каком языке разговариваете. Зато я понял, что вы установили сервер Линейки у себя дома, теперь юзаете в свое удовольствие всего лишь десятком квартир. Я тоже хочу!.. Я вообще хочу установить на своем компе, он у меня очень мощный... но не спрашивайте, какое в нем чё, не знаю. Сам я, конечно, установить не могу, это же не просто игру записать, там еще надо уметь поддерживать, а он даже на офе, говорят, то лагает, то крашит... Словом, обращаюсь к вам с нижайшей просьбой: помогите установить сервер! Я буду на нем играть сам в свое удовольствие. Любую помощь оплачу!.. С надеждой Амартель».

Секира следил за мной, а когда увидел, что я поднял взгляд, сказал торопливо:

– Таких я видел десятки. Думаю, их сотни. Это тех, кто поместил такие объявления. И, конечно, на поместившего приходится примерно по тысяче таких, кто по каким-то причинам не дает объявлений, но думает так же...

Кулиев сказал раздраженно:

– Не понимаю, какой кайф в том, чтобы поставить сервер на свой комп и играть в одиночку?

Все промолчали, только Секира огрызнулся:

– А какой кайф, когда миллионы ставят на свои компы простые игры? Где играют, ессно, в одиночку?

– Так то простые! – возразил Николай. – В них иначе нельзя!

– Тогда поставим вопрос иначе, – заговорил Ворпед рассудительно. – Почему эти простые продолжают ставить на комп простые игры, когда уже появились онлайнные?.. Ладно, часть по инерции, часть боится ежемесячной платы, самые дикие вообще не знают, что это такое, но остальные?..

Кулиев предложил нетерпеливо:

– Ну-ну, раскрой нам, тупарям, глаза.

– Да тебе хоть кол на голове теши, – ответил Кулиев. – Ты ведь все у нас знаешь. А что не знаешь, то говно, и знать его не надо. Я позвонил одному... гм, вернее, одной. По указанному телефону. Приятный такой голосок, никакой закомплексованности... ясно видимой. Слышимой, в смысле. Но настаивает, чтобы я привез сервер Линейки и установил у нее. Готова заплатить за установку, настройку и даже сопровождение. Ну, если рухнет сервак, заключит или еще что – я чтоб приезжал и настраивал, все оплатит. Я говорил о всяких трудностях, а сам выпытывал, что это у нее за странное желание. Да и сам я из таких...

– Ну?

– Да все банально просто. Обычную игру засэйвил и ушел спать. Или уехал в командировку на неделю. Хоть на месяц. Вернулся, включил, твой герой так и стоит с поднятым мечом, а монстр все в тех же двух прыжках от него, как в тот момент, когда ты сэйвился. В онлайн же все течет, все меняется. Дело не в монстрах, в том, что твои коллеги тебя за это время обойдут. Кто чуть-чуть, а кто и намного. А это обидно даже тем, у кого с виду вроде бы нет амбиций.

Аллодис слушал внимательно, он никогда не обижается на резкости Ворпеда.

– Ты прав, – согласился он, – такое заметнее всего в кланах. Человек свободен, пока не поступает в клан. Раньше играл когда хочет и сколько хочет, но когда вступает в клан... пусть даже самый либеральный и вообще без правил, все равно он оказывается причислен к какой-то команде. Появляются общие цели, общие желания. Качаться стараются тоже вместе. Как-то сам по себе возникает дух соперничества... даже соревновательности. Постоянно видишь в

списке себя и своих соклановцев. Видишь, кто идет быстрее вверх, кто медленнее. Поневоле начинаешь торопиться и сам, в хвосте оказаться никому не хочется...

Секира хмыкнул.

– А в результате, – сказал трагическим тоном, пародируя вечно серьезного Аллодиса, – оказываются заброшенными учеба, работа, семья, вечеринки в реале...

– Не хихикай, – оборвал строго Скоффин. – Это в самом деле так.

– В самых тяжелых случаях, – педантично поправил Кулиев.

– Пусть, – согласился Скоффин, – но разве мы не будем стараться сделать игру как можно более реалистичной? Увлекательной? И чтоб от нее не отрывались?

Николай слушал, слушал, наконец сказал с несвойственной ему задумчивостью:

– Тут одна мудрая мысль меня посетила... Чтобы проверить, я стал искать статистические данные...

– И что?

– Не нашел, – признался он. – Очень уж, видно, мудрая. Как весь я.

– Плохо искал, – сказал Секира авторитетно. – Если в Яндексe, то лучше не ищи, Гугол намного лучше. А вот если в Мастере...

На него посмотрели жалостливо, как на юродивого, который вздумал рассказывать устройство космического корабля дипломированным ракетчикам.

Николай тоже посмотрел сверху и продолжал:

– Не нашел, потому что их нет. Еще нет. Я первый, кто провел опрос на эту тему. Правда, среди друзей и знакомых.

– И что? – повторил Секира нетерпеливо.

– Совпадает с одним наблюдением. Вы не заметили, что в простые играют молодые и не очень, а в онлайн-овые – одна молодежь?

– У Кулиева батя играл, – возразил Секира.

– А сейчас? – спросил Скоффин и посмотрел на Кулиева. – Играет?

– Да вроде бросил, – ответил Кулиев с неуверенностью. – Дел много.

– А у других мало? Нет, тут другое... Ну, думайте, думайте. Лучше – головой.

Аллодис сказал с неуверенностью:

– В простые игры можно играть, когда хочешь. На половине можно отложить хоть на месяц. А потом войти с сэйвами продолжать дальше. А в онлайн-овой заходишь через неделю, а вчерашние нубы уже выше тебя лэвелами, бегают в новеньких доспехах, а кто-то уже и замок строит, крепостных согнал, каменщиков нанимает... А в долине, через которую ты ходил свободно, какие-то монстры за это время поселились, обжились, никого не пускают...

Николай кивнул, сказал благожелательно:

– Тепло, тепло...

– Только тепло? – возразил Аллодис задето. – А что же тогда горячо?

Мы все смотрели на Николая с ожиданием. Он развел руками.

– А чем отличается положение бати Кулиева от его сына, когда они войдут через неделю и увидят, что все изменилось? Да ничем. Но есть другое, совсем другое, что мешает играть взрослым состоявшимся людям. Более того, заставляет их уходить из онлайн-овых!

Он сделал эффектную паузу, все смотрим и молчим, ловим каждое слово, и Николай продолжил покровительственно:

– Какое первое отличие простых игр от онлайн-овых?.. Нет-нет, помалкивайте, а то набросаете кучу отличий, которые на самом деле все второстепенные, а то и третьестепенные. Я же вижу, что и кто хочет брякнуть. Да-да, брякнуть. Так вот, главное отличие простых от онлайн-овых, что простой игрок – абсолютный хозяин игровой вселенной. Ему бывает невообразимо трудно пройти какой-то лэвел, отгадать некий зал, но все равно все зависит от его упорства и сообразительности. Иногда от скорости реакции. Ладно, в самом крайнем случае можно поста-

вить патронов больше, а то и godmode, а если не можешь отыскать ключа от двери, то – poslip. Можно, как правильно заметил, что очень странно, Аллодис, отложить хоть на полгодика, а когда войдешь в игру, монстр ожидает тебя на том же месте и в той же позе. В онлайн-овой же он не хозяин. В этом и главное отличие...

Скоффин сказал нетерпеливо:

– Мы об этом уже говорили, не повторяйся. Это касается всех. И старших, и младших.

Николай кивнул, словно Скоффин не возразил, а подхалимски поддакнул:

– Совершенно верно. Но реакция у этих старших и младших – разная. Младшие ни в реальном мире, ни в виртуальном еще ничего не добились, так что ломаются вперед без комплексов и оглядок. А человек солидный, чего-то добившийся в этой реальности, входит в игру и сразу же сталкивается с теми, которые превосходят его кто лэвелом, кто доспехами, кто богатством. Но хорошо бы, если бы эти игроки были Петром Петровичем или Иваном Ивановичем, это еще можно перенести, но чаще всего это оказываются Петьки и Васьки, совершенно ничтожные в рале личности... я имею в виду их достигнутые успехи, микроскопические по причине юного возраста, и такое превосходство сперва задевает нашего баймера среднего возраста, а затем и вообще отвращает от такой игры.

Лица стали серьезными, все сразу уловили суть, Кулиев сказал задумчиво:

– Он уйдет из игры, потому что вся его житейская мудрость и жизненный опыт не помогут обогнать подростков в накачивании лэвелов. Особенно тех, кто первыми пришел в игру и теперь щеголяют в мифлировых доспехах и размахивают огненными мечами. А зачем ему чувствовать себя ущербным, если он далеко не ущербен, а эти же подростки вечерами моют ему «мерс»? Или он принимает у них зачеты, где они всячески извиваются перед ним, стелются и виляют хвостами? У него в игре не получается быть с ними даже на равных, а его, как я подозреваю, даже это на равных не устроит. Он на равных предпочел бы находиться среди таких же, а не среди высоколэвельных героев, что ни одного слова не могут написать правильно, ему несколько противно даже...

Ворпед похлопал ладонью по столу. Самый нетерпеливый, он и здесь сразу же выпалил:

– Все понятно, понятно. Я тоже это замечал... смутно, только не успел сформулировать. Ты прав, прав. Но что мы можем? А сделать что-то надо, это все понимаем. Сделать надо уже хотя бы потому, что все финансы в руках этих самых средневозрастных. Эти они дают своим юным отпрыскам денежку на покупку игры... А нам надо, чтобы они вошли в нее сами!

– И чтобы покупали в ней, – добавил Кулиев. – Покупали оружие, доспехи...

Секира возразил:

– Этим загубим игру на корню. Нельзя превращать ее в соревнование кошельков.

Скоффин вздохнул.

– Нельзя. Но остаются лазейки, которые сможет использовать этот Петр Петрович и которые не по карману Петькам и Васькам. Это пауэрлифтинг, прокачка в оф-пати, покупка на рынке или вне рынка дорогих доспехов и оружия, которые петько-васькам собирать целый год... Так что зажиточному человеку и в байме будут мыть «мерседес»!

В прихожей звякнуло, я извинился, еще издали увидел на экране мордочку Габриэллы. Она показала язык.

– Не ожидал?

Я нажал кнопку.

– Честно говоря, нет.

– Теперь берегись...

Я выждал, пока она поднималась на лифте, вышел на площадку и открыл железную дверь. Габриэлла демонстративно посмотрела в сторону запасной лестницы.

– Убежала?

– Нет, – ответил я со вздохом. – Заходи, посмотришь.

Она фыркнула, гордо выпрямилась, вот уж не отступит, зря надеюсь, я распахнул дверь, Габриэлла отважно переступила порог. Я сам ощутил, какой в квартире густой запах кофе, скоро плавать можно, с кухни доносится гул мужских голосов. На лице Габриэллы проступило изумление.

– Ну ты извращенец... Групповуха?

Она вошла и остановилась на пороге комнаты, мило улыбаясь ошалелым мужчинам.

– Меня зовут Габриэлла. Интим не предлагать. А то соглашусь ведь...

На нее смотрели, вытаращив глаза, все еще в том нашем мире, я сказал поспешно:

– Габриэлла вызвалась сбегать в булочную и купить нам булочек. А также все прочее, что нужно голодным здоровым мужчинам для завтрака.

Габриэлла изумилась:

– Как? Вы еще не завтракали?

– Да, – ответил я злобно, – а если учесть, что кормить мужчин – первейшая задача женщины...

Я повел ее к лифту, подталкивая в спину, она упиралась и хмурилась для виду, все-таки никакой соперницы в моей постели не оказалось, а кормить молодых сильных и явно некапризных мужчин вообще-то любит любая женщина с нормальной психикой и здоровыми инстинктами.

Когда я вернулся, Ворпед переспросил почтительно:

– Как зовут?

– Габриэлла, – буркнул я.

– Габриэлла, – повторил он с мечтательным видом поэта. – Да, это не Клава...

Скоффин посмотрел на него с насмешкой в глазах:

– Что, фантазии не хватает спошлить? Тогда ты не русский.

– Сам ты еврей!

– Вернемся к байме, – предложил я, – хотя, конечно, перерывчик пора, пора... Но мы не на чужого дядю пашем, так что поработаем, поработаем. Дети ко всему более восприимчивы, они первыми начали осваивать и компьютеры... я имею в виду, в массовом порядке. Сперва, конечно, в области игр. Постоянно канючили у прижимистых родителей денег на новый диск с играми, тогда на один сидюк помещалось по две-три игры. Помню первый диск, где игра была одна-единственная – знаменитый Warcraft-2.

– Первая? – усомнился Скоффин, он всегда сомневался, как и во всем.

– Провергни, – предложил я и продолжил: – Но это было лет пятнадцать тому, когда появились игры на первых персоналках. Со дня выхода знаменитого «Принца Персии», где впервые появился рисованный человечек, прошло пятнадцать лет...

– Даже больше, – поправил Скоффин. – Принц вышел в девяностом.

– Даже больше, – согласился я. – Семнадцать лет. За это время мы повзрослели, стали сами зарабатывать. И уже не канючим денег на игры, а покупаем их сами. А так как у взрослых деньги есть, к тому же распоряжаемся сами, то...

Я сделал паузу, Секира тут же воспользовался приглашением:

– ...значит, нынешнее поколение баймеров уже в состоянии тратить реальные деньги на игры. И немалые. Володя абсолютно прав, надо спешить оседлать волну! Кто это сделает, тот и сорвет все банки. И снимет все сливки.

Скоффин сказал скептически:

– А на худой конец попадем в Книгу рекордов Гиннесса, как самые неудачливые... Я готов рискнуть.

Кулиев предостерег:

– Прошло то время, когда игры делались одиночками на коленке. Сейчас это требует очень больших денег!

Николай потер лоб, вздохнул так тяжело, словно тащит на себе экскаватор, сказал раздумчиво:

– А с чего тогда Китай, который без выгоды шагу зря не сделает, вдруг вложил в развитие онлайн-игр три миллиарда долларов? Китайское правительство... вдумайтесь, правительство!.. открывает по стране десятки новых игродельных студий, нанимает лучших программистов, дизайнеров, сценаристов... Я вот что скажу, ребята. Я всю ночь размышлял, мыслил и даже думал, голова у меня – во, видите? Как тыква-рекордсменка. Берусь и буду вкалывать только в том случае, если буду уверен, что успеем выпустить свою байму, даже супербайму, до того дня, как Китай выбросит на рынок свои онлайн-овые, разжиревшие на правительственных дотациях.

Ворпед принес последние разогретые булочки. По лицу видно, что все слышал, раздумывал и решение принял не с бухты-барахты.

– Я тоже. Всю ночь просчитывал.

– И я, – буркнул Скоффин. – А то потом нам в этом море ловить будет нечего. Китай даже мелкую рыбешку выгребет. Кто не успел, тот опоздал.

Секира все порывался вскочить и дать клятвенные заверения, что вот прямо завтра положит им готовую байму на стол, только дайте деньги сейчас, мы все успеем и все сделаем, но Аллодис придержал его и сказал тягучим голосом:

– Вообще-то опаздывают все. Нет такой игры, что вышла бы в оговоренные сроки... А если и есть, то какое-нибудь говно. Сколько помню, релиз всех хитовых игр отодвигался и отодвигался. Это не к тому, что обязательно затянем сроки и денег просить будем, это всеобщая тенденция. Жанр молодой, если не научились точно определять сроки. Кстати, китайские онлайн-овые тоже выйдут с тем же запозданием... Простите, что я слишком пессимистичен. Могу заверить от лица всех, что вкалывать будем до седьмого пота. Возможность создать супербайму выпадает раз в жизни! Мы постараемся не упустить этот шанс. И, уже повторяюсь, скажу: доверьтесь Владимиру и сами себе. Мы ведь понимаем прекрасно, что это, возможно, у нас не только единственный шанс, но и... последний. Удачный шанс стучит в двери только раз в жизни, это всякое говно ежедневно прет в двери и окна.

Я всматривался в лица друзей, все похоже больше на государственных деятелей, даже на предпринимателей, слушают внимательно и настороженно.

В кармане задергалось, я вытащил мобильник, послушал, сказал с облегчением:

– Да, Петр Васильевич, ждем вас!.. Да, все, как я говорил... Да я понимаю, что лучше бы к вам, все-таки вы – генерал, а мы – пацаны, но у нас тут собралось семь человек, делим шкуру... Спасибо!

На меня смотрели с ожиданием, я сказал, скрывая глубокое довольство:

– Кирич сейчас приедет. Звал нас к себе, но я уговорил к нам. Это писатель, о котором я говорил.

Ворпед произнес одобрительно:

– Значит, не шибко считается с условностями.

– Неужели, – предположил Скоффин, – он настолько именитый, что ему плевать на табель о рангах.

Николай сказал азартно:

– Щас посмотрю. А то я книг совсем не читаю...

Он быстро набил в поиск «Кирич Петр, писатель», на лист выбросило с полмиллиона ссылок, Николай свистнул озабоченно, пошел шарить в поисках биографии и творческого пути, ему азартно подсказывали со всех сторон. На всякий случай пересмотрели несколько версий, но чем больше читали, тем с большим уважением посматривали на меня: сумел такого слона заманить в нашу команду! На факт, конечно, что согласится, но все-таки едет к нам на переговоры лично, это же надо...

Глава 6

Габриэлла едва втиснулась в дверь, обвешанная пакетами так, что я усомнился, сама ли доперла от магазина. Явно какие-то хлыщи взялись помогать, выпрашивая за услугу телефончик или хотя бы емэйл. Я помог донести половину сумок, торопливо выскочили Ворпед и Секира, начали крутиться вокруг Габриэллы, загремела посуда.

Я вернулся к столешнице, на Габриэлле поглядывали заинтересованно, пришлось постучать по столу. На меня посмотрели с укоризной. Сказал с нажимом:

– Самое главное! Еще раз! Запишите себе крупными буквами и читайте каждое утро, как молитву!.. Так вот – работаем, не меряясь этими штуками, которые гениталии. Все мы знаем самую большую беду наших программистов насчет козла, который работает меньше, а получает больше. И хотя получать будут все одинаково, но чтоб не было, что кто-то работает меньше, а оно надо вкалывать за того козла?.. Мы все выполняем особо важную работу. И всякий, какой бы важной ни считал именно свою, не смеет считать работу другого козла менее важной! Я хочу, чтобы это все приняли... ну, не знаю, как! В кровь и кость, как говорится. Обратите внимание, я не сомневаюсь, что для наших голов такую работу сделать – раз плюнуть! Я сомневаюсь в наших характерах.

Они посматривали друг на друга, я видел смущение на их лицах, наконец Скоффин сказал с неловкостью:

– Володя, ты, как Иван Грозный бояр, видишь нас насквозь. Мы как раз и хотели это сказать... Я уж точно хотел.

– И я, – сказал Николай со вздохом. – Это позорная черта не только программистов. Это вообще наша национальная черта. Но мы сумеем обуздать свои... э-э... человеческие порывы!

– Сумеем, – пообещал Ворпед серьезно. – Мы уже битые. Мы на таком горели не раз.

– Опыт есть, – подтвердил Секира. – Будем держаться. На этот раз.

Кулиев промолчал, предпочитая лишь коротко улыбнуться, что можно трактовать и так и эдак. Хороший из него будет юрист. Возможно, правительственного ранга.

В прихожей раздался звонок, я сказал строго:

– Ну, морды, ведите себя прилично. Дело даже не в авторитете... возраст уважать надо!

– Не сумлевайся, – бросил мне вдогонку Николай. – Если кто что пискнет про маразм, своими руками удушу. Или кто предложит Габриэлле вафли.

Я встретил Кирича возле лифта, провел через все распахнутые двери на площадку и в квартиру. Ребята уже выстроились в линию, выровнялись, Кирич все понял, улыбнулся и произнес голосом фельдмаршала:

– Здравия желаю, орлы!

– Здра... жла.. ва... ство!

– Вольно, – скомандовал Кирич и обменялся рукопожатием с Николаем, он на левом фланге, потом пошел дальше вдоль строя. В лица всматривался как Черчилль, когда посетил Ялту, его рассматривали с еще большим любопытством. Очень невысокого роста, подтянутый такой живчик, он не производит впечатление старика, хотя до пенсии рукой подать, без животики, а по морде незаметно, что сильно пьющий, как надлежит профессиональному писателю.

– Проходите в комнату, Петр Васильевич, – сказал я уважительно, – или сразу на кухню? Хоть и неприлично в хороших домах принимать на кухне...

Он живо отмахнулся:

– Это было в старину. На кухне принимали челядь, а в гостиной – дворян. Но вся российская интеллигенция выросла на кухне. Потому от нее такой душок... до сей поры.

Ребята, сбивая друг друга с ног, носились между холодильником и столом, доставая персики, абрикосовый и яблочный сок, выкладывали булочки, тут же хватили снова и бросались

их разогревать. Я почтительно придвинул ему кресло, он опустился достаточно легко, даже колени не хрустнули, как вон у меня постоянно, несмотря на мою молодость, окинул нас спокойным, но заинтересованным взглядом.

– Почему вдруг? – спросил он. – Это вас интересует?

Мы помолчали, а Секира, самый бойкий, сказал с некоторым смущением:

– Вообще-то да. Это нам терять нечего, мы только выходим на большую дорогу... га-га-га... а у вас тиражи, ваши книги на всех прилавках, у меня самого аж пять штук, а у одного моего приятеля все ваши книги, штук двадцать!

Он отмахнулся:

– У меня их сорок. Даже за сорок, не считал точно. Но это не важно. Что еще?

– Вы получаете немалые деньги, – сказал Секира. – Может, для вас это не деньги, к ним привыкают быстро, так говорят, но я представляю эти суммы... и дух захватывает! У вас все идет легко, все налажено, книги пишутся, денежки текут... А у нас впереди весьма, как говорит наш отныне грозный шеф, тернистая дорожка. И неизвестно, куда приведет. И приведет ли вообще.

Кирич слушал внимательно, а когда Секира замолчал, кивнул. Глаза оставались внимательными, голос прозвучал чуть насмешливо:

– Вы, по своей деликатности, так непривычной для молодых ребят, не упомянули, что куда тебе, старый хрыч, рыпаться в компьютерные игры? Радуйся, что сумел с пишущей машинки перейти на компьютер... Так? По лицам вижу, не краснее. И зачем, мол, когда песок уже сыпется, заниматься чем-то новым?... Вот-вот. Потому я объясню, почему именно я делаю такой шаг, чтобы уйти с написания книг в написание компьютерных игр, а заодно вы увидите, что ваша затея гораздо важнее и значимее, чем вы сами думаете.

Мы приосанились, всегда приятно, когда о тебе так говорят, Николай даже выпрямился и расправил плечи.

– Я тоже думаю, – проговорил Скоффин живо, – что дело у нас весьма... А почему вы так думаете?

Кирич улыбнулся, игра Скоффина понятна, жаждет не упускать роль второго или тайного лидера, сказал медленно:

– Когда-то нашу страну называли самой читающей... Сейчас самые читающие страны мира – это Китай, Индия, Индонезия и прочие острова Полинезии. И еще черная Африка. Наименее читающие – США, Англия, Германия, Франция, Швеция... словом, страны Европы. Почему? Не по тупости, как утверждает наша пропаганда, просто в развитых странах намного больше компьютеров, DVD-проигрывателей, широкополосный Интернет... У книг очень быстро подрастают конкуренты: молодые, энергичные, предлагающие широкий спектр услуг. Честно говоря, я за последние пять лет не купил ни одной книги!

Он посмотрел на наши шокированные лица, слабая улыбка раздвинула губы, но в глазах я увидел глубокую печаль.

– А ведь это я, писатель!... Книжник. У меня библиотека, стены двух комнат в полках от пола до потолка. Но вот... больше не покупаю. Обнаружил, что гораздо проще любую книгу открыть в Интернете, посмотреть, а если понравится – скачать. А то и просто скачать, не глядя, целый раздел новинок, а потом на досуге посмотреть. Так у меня собралась уже пара тысяч книг, которые еще не раскрывал. И вряд ли раскрою: все время подваливают очередные новинки... А что уж говорить про вас?

Ворпед завозился, сказал нерешительно:

– Ну... мы тоже иногда покупаем... бумажные. Я вон к Светке шел, купил ей сразу три.

Кирич кивнул:

– Да, книга – лучший подарок, так все еще говорят по инерции. Хотя упаковка болванок DVD вообще-то практичнее. Словом, вывод неутешительный: книги доживают свой век. Как

отжили кнуты, хомуты и лапти. Конечно, всегда найдутся коллекционеры, которые купят и поставят на полку, как вон сейчас пошла мода на мечи и топоры, у каждого пятого жителя столицы что-нить такое да висит на стене, но мне что-то не хочется, чтобы мои книги попали в разряд этих безделушек.

А попадут, мелькнуло у меня в голове. Уже сейчас некоторые покупают очень красиво изданные книги и ставят на полку, как украшение. Почти в каждой семье увидишь роскошно оформленные книги по кулинарии, в которые хозяйка никогда не заглядывает, но на полке стоят. Ибо – красивые!

Кирич сказал:

– Все равно, вам непонятно, почему я вдруг решил принять участие в такой затее, вместо того чтобы и дальше постараться выжать все из загибающегося производства. Здесь вам не понять, просто поверьте на слово: мой возраст – это не старость. Это спортсмены в сорок лет покидают спорт, а кто-то и раньше, а писатель с возрастом только набирает обороты. Я сейчас в пике формы, у меня хватает сил, потому я хочу успеть поработать в том жанре, который приходит на смену книгам... и не только книгам.

От его слов веяло холодом, мы чувствовали себя так, словно очутились на краю пропасти, противоположный край далеко, внизу бездна, но мы хотим перепрыгнуть... и показать дорогу другим. Я зябко повел плечами, писатель раскрыл перед нами те перспективы, о которых мы даже не догадывались.

Кулиев спросил осторожно:

– А... какой жанр приходит на смену?..

Он развел руками.

– Сейчас сказать трудно. Наш мир сейчас – бурлящий котел. Совсем не то, что было в Древнем Риме, в эпоху Екатерины или даже Брежнева. Ежедневно рождаются десятки и даже сотни направлений развития науки и техники, это когда такое было?.. Так что трудно сказать, что будет, зато можно с уверенностью сказать, что уходит. К сожалению, уходит даже само печатное слово. Ну, не сразу, конечно, какое-то время книги еще будут существовать, хоть уже и не в бумажном формате... а потом уйдет само печатное слово, вытесненное импами...

– Импами...

– Да, идеографическими картинками. У них большое будущее! Намного большее, чем у простых буковок. Вот потому я уже сейчас ищу другую нишу. Я уже сказал, что книжный формат себя изжил. Во всяком случае, в бумажном варианте. Я был одним из самых раскупаемых авторов, как говорит пресса, но на самом деле – я самый раскупаемый! Просто я не возражал, когда на первое место по раскупаемости ставили того или иного, кому нужно дать звучную премию. Мне премии по фигу, но мне совсем не по фигу, что доходы упали вдвое, втрое, впятеро... Скоро я в финансовом положении окажусь на уровне начинающего автора, которому платят только один раз...

Скоффин прервал:

– Простите, как это – один раз?

– Да все просто. Всем нам, именитым и начинающим, платят примерно одинаково за тираж. Но у начинающего это обычно одноразовый тираж, а книги именитого переиздаются каждый год... да не по разу! Именитые как раз живут на допечатки тиражей. Но когда каждая книга через неделю оказывается в свободном доступе в Интернете, то автор получает только за те книги, что успели продать за первую неделю. Книга начинающего тоже оказывается в Интернете, но ее скачивают не больше сотни чудаков или тех, кто спутал название, а книгу именитого скачивают миллионы читателей. Однако... за скачанные ни начинающий, ни именитый уже не получают ни гроша!

– А-а-а, – протянул Ворпед с сочувствием, – тогда писателям непросто...

– Если бы только непросто, – ответил Кирич с тоской. – Это уже конец нашему делу. Все больше профессиональных авторов уходят из этого ремесла, а книги продолжают выпускать только графоманы и те, кому гонорары не нужны. Понятно, пишут они плохо, но все равно создается впечатление благополучия: книг для скачивания полно!.. А я вот, уже не молодой, но еще и не старый, хотел бы попробовать успеть поменять профессию. На что-то близкое, но у чего есть будущее. Я, как это вам ни покажется дико, но играл в Ультиму, Рагнарок, Линейку, сейчас у меня есть акки на Гильдевые войны и на Дарк энд Лайт, что только вышла... но байма настолько сырая, что я поиграл два дня и решил пока воздержаться.

С ним заговорили живо и заинтересованно, все мы баймы знаем, любим и даже играем, сразу же пошли обсуждения разных аспектов игры, взаимоотношений между расами и классами, дисбаланс в геймплее, баги, глюки и промахи разработчиков в стратегии развития...

Я незаметно для других кивнул Кулиеву и Ворпеду в сторону кухни, чтобы позаботились о новой порции кофе и булочек, для писателя нужно, наверное, молока, кто знает, что в старости пьют... на всякий случай нужно вытащить бутылку кефира и поставить вроде бы невзначай. Говорят, старики всем напиткам предпочитают кефир, мол, у нас водка-лодка-молодка, а у них кефир-клистир-сортир... И булочки ему надо помягче, вот не успел рассмотреть, как у него с зубами. Хотя при его доходах может поставить себе не только металлокерамику, но хоть бриллиантовые...

Судя по всему, Кирич полагает, что он еще не стар, так как на пенсию еще рано, она придется как раз на то время, когда закроется последнее издательство. Но уже и не молод: сорок два года для нас – это что-то в районе татаро-монгольского нашествия, так что все наши идеи наверняка будет воспринимать со свойственной старикам настороженностью и скептицизмом.

Надо изготавиться к тому, что будет постоянно говорить о великой духовности творчества, что мы должны сеять разумное, доброе, вечное, сетовать на засилье убийств, порнухи, политкорректности... Ну, на то он и писатель, у его все творчество по старинке воспитательное, так что и нашу байму постарается повернуть в воспитательную колею.

Кулиев и Ворпед принесли булочки и кофе, Кулиев сделал еще рейд на кухню и приволок кефир и молоко. Все переглянулись сперва с недоумением, потом разом посмотрели на Кирича, все поняв, однако он, продолжая разговаривать, рассеянно взял булочку и, прихлебывая кофе, сжевал ее почти всю, но кофе не хватило, и он взял чашку из-под рук зазевавшегося Аллодиса.

Я перевел дыхание с великим облегчением. Все прекрасно, он вполне вписывается в нашу команду. Лишь бы плохо с сердцем не стало, все-таки кофе крепкий, а старикам вроде бы его нельзя, на всякий случай надо приготовить валидол, или что там пьют, когда схватывает сердце.

– Ну, – сказал он, – как я понял, с моей кандидатурой покончено. Я вам подхожу, да? Теперь давайте посмотрим, подходите ли вы мне... Скажу честно, у меня не раз была возможность войти в команду разработчиков игр... Что так смотрите? Любому хитовому писателю что ни день предлагают экранизацию его книг, компьютеризацию, тиражирование на диски, скачивание по мобильникам... и прочую экзотику. Но я пока не увидел ни одного стоящего режиссера, ни одну команду баймоделов, которая бы заинтересовала.

Кулиев спросил осторожно:

– А что у них было не так?

Он отхлебнул кофе, на лбу складки стали резче.

– Поймите меня правильно, ребята. Я не голодаю, чтобы хвататься за любую работу. Я могу работать только там и только с теми, где я в самом деле что-то могу сделать, а не просто выполнять чьи-то указания и получать за это зарплату. В зарплате я не нуждаюсь. Даже если полностью прекращу писать, на допечатки своих книг буду безбедно жить еще очень долгие годы.

Я спросил еще осторожнее:

– Петр Васильевич, а какие ваши условия... участия в нашей команде?

Все замерли, как мыши на выходе из норки, Кирич сказал задумчиво:

– Если кто читал мои книги... или хотя бы слышал о них, знает, что я всегда выискиваю идею, которой нет ни у одного автора, и пишу по ней роман. Обычно в обществе сразу же раздаются крики негодования, а чуть позже – голоса поддержки. Да, именно в таком порядке. Это очень важно – найти новое! Но те баймы, в разработке которых мне предлагалось участвовать, все были серые и одинаковые, повторяющие предшественников.

– Клоны, – вставил Скоффин с удовольствием.

– Клоны, – подтвердил Кирич. – Даже если не клоны, но все равно – клоны. Создателями игр, как я понимаю, руководит тот же принцип, что и абсолютным большинством пишущих: фу, какую ерундовую книжку я купил!.. Какая серая, убогая, неинтересная... Таковую и я смогу... А вот возьму и напишу!.. И что вы думаете – в самом деле пишет. Иногда даже удается опубликовать. Вот так и ломаются прилавки от серости, а среди вышедших игр долго и обычно безуспешно ищешь что-то действительно новое. В писательской работе слишком много... мусора.

– Как это?

Он пожал плечами.

– Я же говорю, как в основном человек становится писателем? Читает какую-то беспомощную ерунду и думает: какая ерунда, так и я могу. Если у него есть время от пьянки и баб, то садится и пишет. И в самом деле заканчивает роман. Кое-как удается пристроить в издательство, потому что яркие вещи там хватают с лету, а серость приходится пробивать и пристраивать. Так к миллиону серых романов добавляется миллион первый. И к ста тысячам писателей добавляется сто тысяч первый.

Скоффин слушал внимательно, кивал, сказал сочувственно:

– А как иначе, если технология писательства не меняется уже тысячи лет? Все меняется, а ваша технология стоит на месте? Это и понятно.

Кирич вздохнул, развел руками.

– Вот я и хочу поток свежего воздуха. У нас даже новые технологии не живут больше года! Их сменяют новейшие, сверхновые, а те – гиперновые! Я же вижу, что каждый год игры становятся ярче, интереснее, богаче. Эх, если бы такое хоть чуть-чуть в литературе... Увы, литература достигла потолка и остановилась, когда в нее хлынули домохозяйки и начали в ней заниматься рукоделием, стряпая на кухне дамские, детективные и даже фентэзийные... представьте себе!.. романы. Нет, я в этом умирании литературы участвовать не хочу. Поезд мчится в пропасть, я хочу успеть соскочить... даже если при такой попытке и переломаю себе ноги.

Они переглядывались, смущенные, как будто он прочел их мысли. Я тоже ощутил, словно меня поймали на карманной краже. Честно говоря, если даже я собирался делать игру по принципу «такие и я могу», то про мою команду и говорить не приходится. У них запросы менее дерзновенные, они даже не пробовали взлетать в те высоты, оттуда я четырежды мордой о землю...

Глава 7

Я подвигал чашку по столу, собираясь с мыслями, вернее, формулируя, но это трудно делать, когда формулировать нечего, спросил с трусливой осторожностью, что нередко выдается за мудрость:

– Петр Васильевич, вы много играете в баймы... Уже видите их плюсы и минусы... Что бы вы хотели увидеть в хорошей новой игре?

Он придвинулся вместе с креслом к столу, руки положил на стол. Улыбка слетела с его лица, выражение стало строгим, даже жестковатым.

– Насколько я понимаю, сейчас вы на этапе, когда обсуждаете, какой игре быть вообще?

– Да, – ответил я бросил на ребят грозный взгляд, чтобы не вякнули правду: пока и этого не сделали. – Мы пока что ищем... чем удивить.

– Это самое важное, – согласился он. – Причем удивить надо не вообще, потому что удивить чем-то отрицательным намного проще... а тем, что станет открытием, новой дорогой, даже прорывом! В баймах это пока что делать легко. Здесь все впервые, это книги свое отжили. Я не слышал, о чем вы говорили, но пересказывать не нужно... я не хочу отнимать у вас время. Давайте я выскажу свое скромное мнение, а потом посмотрим, что из этого получится.

Он улыбался, но глаза оставались серьезными, и в словах слышался подтекст: если не сторгуемся, то допью кофе и уйду. Где-то же найдутся ребята, что в самом деле захотят создать настоящую революционную, а не потому, что «...такое говно делать и мы умеем!».

– Да-да, – сказал я очень заинтересованно, взглядом приказывая гусарам молчать, – мы слушаем очень внимательно!

– Давайте определим, – сказал он с твердостью в голосе, – чем удивим мир. И что изменим. Не текстурки всякие, а... основы. Например, на модную политкорректность плюем! Мужчина и женщина – не равны, что бы там ни говорили хитрожопые политики. Мужчина сильнее, крупнее, выше. Женщина – слабее. Потому характеристики нужно разнести так, чтобы женщина не равнялась с мужчиной в переноске шпал, зато быстрее бегала, лучше стреляла из лука и еще хияла, бафила и стрейфила. Уже этим наша байма будет резко отличаться от всех остальных в мире!

– Вне зависимости от расы? – уточнил Скоффин озадаченно.

– Вне, – ответил Кирич. Подумал, сказал с той же жесткостью в голосе: – Давайте не кривить душой, а скажем еще об одной нашей особенности: за орков или темных эльфов берутся играть люди с червоточинкой. Если посмотреть статистику, то именно они больше всего подличают, воруют у павших товарищей доспехи и оружие, нападают на более слабых...

– Ну, – возразил Секира горячо, даже покраснел от возмущения, – уж не скажите! Я всегда играл либо за орков, либо за темных!

– Значит, вы правозащитник, – отмахнулся Кирич. – Эти всегда на стороне преступников и дебилов, доказывая, что и они люди, что им надо дать все права, а нас в этих правах как раз урезать. Я о статистике, а она неопровержимо говорит, что девяносто процентов всех нарушений идет со стороны темных и орков, а со стороны людей всего три процента...

– А семь чьи?

– Светлых эльфов, – дал справку Кулиев и с вопросом в глазах посмотрел на писателя. – Так ведь? Значит, светлые не совсем светлые!

– Наверное, сказывается порода, – буркнул Аллодис. – Светлые они или не светлые, но все равно уроды. Хоть и на стороне вроде бы людей. Но это надо еще посмотреть, почему на стороне людей. Может быть, так им просто выгоднее.

Скоффин заметил:

– А вот по статистике среди матерящихся светлых эльфов меньше всего. Здесь люди немногим уступают оркам. И почти наравне с темными эльфами.

– Мат – не убийство в спину, – возразил Кирич. – Хотя и за мат надо карать строго. А вот посмотрите, assassin'ы – одни темные эльфы. Хотя этот класс, класс тайных убийц, есть у каждой расы.

Я долго слушал, когда аргументы начали повторяться, похлопал ладонью по столу.

– Тихо-тихо!.. Подвожу итог. Петр Васильевич предлагает всех орков и темных эльфов – на фиг. В смысле, оставить их как NPC и как мобов.

– А светлые эльфы? – спросил Аллодис с обидой. – Они такие красивые! Я всегда играю только за светлых эльфов...

Все смотрели на Кирича, тот развел руками.

– Честно говоря, – сказал он откровенно, – еще не решил. То ли и оставить, как союзников людей, то ли вообще убрать. И бить их жалко, все-таки не орки, и пора заканчивать с этим разгулом политкорректности! Играем за эльфов, а потом, того и гляди, педерастов признаем за людей?

Кулиев сказал с некоторым удивлением, по голосу чувствовалось, что наш юрист шокирован:

– Вы что же... полагаете... что любой, играющий за эльфов – обязательно педераст?

– Не обязательно, – заверил Кирич весело. Посмотрел на их лица и подтвердил: – Тот, кто играет за эльфов, – не обязательно педераст. Довольны? И тот, кто играет за орков, – не обязательно говно-человек. Я вообще верю в человека вне зависимости от его расы! Я даже верю, что негры могут быть не только спортсменами и джазменами, но и математиками или учеными... хотя пока что таких нет. Так что и темный эльф в реале может оказаться совсем не говном. Но если хотим сделать не проходную игру, а байму, то давайте ориентироваться на реалии, а не придуманную политиками ерунду, чтобы заполучить голоса. Политики – это те сволочи, что и голоса орков примут, только бы пролезть во власть, но нам этим гребаным равноправием глаза не замылить.

Вообще-то человека, играющего орком или темным эльфом, понять можно... Я, во всяком случае, понимаю прекрасно. И сочувствую. И даже всецело на его стороне...

Секира спросил с подозрением:

– Но сами не играете? И против тех, кто играет?

Кирич сказал со вздохом:

– Я и в скатерть не сморкаюсь. Даже когда носового платка не оказывается под рукой. Нам все с пеленок, с детского сада и школьной скамьи вдалбливают правила поведения, учат быть правильными, хорошими, чистыми, с вымытыми ушами, быть вежливыми и корректными... Иногда достает так, что наиболее слабые срываются и срут где-нибудь в приличном месте из чувства протеста, а потом с гордостью заявляют: да, вот такое я говно!.. Мол, революционер, карбонарий, декабрист. Повторяю, понять всех этих орков и зергов можно, мы все постоянно бунтуем против правил, но, будучи людьми разумными, понимаем их необходимость. Всех нас раздражают светофоры и козлы-гаишники, но убрать – что будет твориться на дорогах? А есть такие, которые не понимают. Еще, подчеркиваю, не понимают! Вот они-то стадами прут в орки, темные эльфы, киллеры, террористы, даже играют за воров и некромантов, за проститутку Лулу... Однако говно – есть говно, даже если революционное и насрано в знак протеста.

– Понять, – сказал Аллодис глубокомысленно, – не значит принять. Значит, вся сраная политкорректность выметается соответствующей метлой, а с нею и вся эта срань. Вообще-то я, монархист где-то там глубоко в дупе... оговорился, в душе, я одобряю-с крутые меры. Я где-то в общем местами даже Люпен немножко. И вообще за то, чтобы выгнать из Европы ваххабитов, исламистов, орков, а Турцию с ее темными эльфами не принимать в ЕС вообще...

А раз уж вы намерены всю эту дрянь изгнать совсем с континента, то я клянусь работать над баймой охотно и с удовольствием!

Я быстро сканировал взглядом лица, все растеряны и шокированы. Все-таки мы нормальные интеллигентные люди, все системы ценностей у нас те же, что доминируют в обществе. Мы не отстаем, но не заезжаем далеко вперед, как всякие там... ну, не стоит их перечислять, их легион скандалистов в искусстве, науке, спорте и даже музыке. Не говоря уже про этих, что голыми ходят по улице.

Ворпед проговорил озадаченно:

– А как же насчет.. э-э-э... магов? Без магии какая байма, какая-то серая муть получится. Я везде играл магом...

Кулиев наконец отступил от выжидательной позиции, раз уж не ему придется принимать на себя огонь, сказал проникновенно:

– Петр Васильевич, уж простите, но мне кажется, что-то вы не в ту степь. Мало того, что без магии игра – не игра, и уж тем более – не байма, но если убрать все расы, за которые стоит играть, оставив только людей... вы хоть помните сколько возможностей у эльфийской магии? Отдельно темной, отдельно – светлой? А шаманы орков какие чудеса творят, какие баффы, касты, спелы и файерволы мечут, как рыба икру?

Я ощутил, что Кирич остается не просто в меньшинстве, а вообще один, его идея слишком уж крамольна, произнес как можно более уверенно, постарался даже натужно улыбнуться:

– Люди – это такие твари, что одного поскреби – обнаружишь орка, в другом кроется темный эльф, а в ком-то – такой пресветлый эльф, какими эльфы никогда не были. Я понял так, что Петр Васильевич предлагает разнообразить людей...

Кулиев, чувствуя, как подо мной и писателем колышется почва, заговорил уже с большей уверенностью в голосе:

– Володя, ты не крути. Ответь яснее.

Кирич помалкивал, я ответил раздраженно:

– А где я кручу? Прости, вопроса не было.

– Вопрос в том, – сказал Кулиев победно, – чем заменишь такое прекрасное явление, как магия! Без магии ни одна игра не обходится. И половина всех персонажей – это маги всех рас, уровней, видов и подвидов. Как половина игроков, так и половина НПСов. Не говоря уже о том, что даже многие монстры пользуются магией!

Они смотрели с ожиданием, вопрос в самом деле на засыпку. Кирич чуть улыбнулся и взглянул на меня с интересом. Во взгляде было: ты – шеф, давай выкарабкивайся. А я посмотрю, какой из тебя шеф, стоит ли принимать участие во всем вашем действе. Я стиснул челюсти, злой и раздраженный, однако уже начал улавливать в зыбком тумане мысль, ухватил ее и начал вытаскивать на свет, облекая в слова:

– Монстры... пусть и дальше пользуются магией, а то они и монстры. И за пользование магией их надлежит уничтожать, как мы, люди, сожгли или перетопили ведьм в свое время. А вот люди... люди, дорогой Костя, пользуются молитвами. Священники, кстати, могут творить чудеса, а это ничуть не слабее магии! Священники, как мы знаем, бывают разные: от деревенского дьячка или дьякона, что и не священники вовсе, и до папы римского. Но основная ударная сила церкви, понятно, монахи и миссионеры. Вот они и возглавляют борьбу против нечисти...

– Возглавляют?

Я поправился поспешно:

– Нет, ударная сила по-прежнему – паладины и рыцари. Но без монахов и священников им не справиться. Это, кстати, будет исторически верно, ибо завоеванные земли удержали именно миссионеры, а не герои с мечами. Монахи могут, в зависимости от рангов, наделяться разными уровнями скиллов...

Кирич молчал, но в его взгляде я уловил одобрение. А в самом деле, мелькнула мысль, я просто бросился ему на защиту, раз это я его пригласил, но в этой идее в самом деле есть то, на чем можно сделать байму ни на что не похожей.

Кулиев промолчал, Скоффин сказал все еще с сомнением:

– Идея хороша... уже тем, что новаторская. Такого в самом деле не было. Но все же игру это сильно обеднит. Одинаковые монахи в сутанах против пестрого разнообразного мира колдунов, волшебников, магов и чародеев из орков, темных и светлых эльфов...

Неожиданно подал голос Аллодис:

– Это вы зря. Мир христианской религии не менее ярок и разнообразен.

– Это в духовном плане, – согласился Скоффин. – А что насчет внешних эффектов?

Аллодис посмотрел на Кирича, он молчит и улыбается, взглянул на меня, я кивнул, он сказал рассудительно:

– Вспомним время, когда христианство бурно развивалось, завоевывая страны и континенты? Тогда существовали сотни – повторяю, сотни! – монастырей со своими уставами, само христианство состояло из катаров, альбигойцев, ариан и сотен разных течений и направлений, у всех даже одежда своя, не говоря о молитвах! Там что вполне нормально, когда одни священники сжигают монстров священным огнем веры, другие – разметывают на куски праведным гневом Господа, третьи – с громами и молниями проваливают их под землю...

Николай оживился, подхватил, бурно блестя глазами и шевеля запорожскими усищами:

– А я могу цитаты из настоящих молитв подобрать! У моей бабушки есть эта книжица... То ли Пластырь, то ли Молитвенник... Мы такие файерволы забачаем!

В комнату вошла с огромным подносом Габриэлла, гора сдобных булочек. На кухне раз-румянилась от горячей плиты, глаза блестят, рот до ушей, и Ворпед, взглянув на нее тоскливо, спросил с надеждой:

– А теперь уже можно предлагать?

Она мотнула головой и указала на меня взглядом.

– В любой групповухе вождь – первый!

– А мы его сместим, – сказал Ворпед. – Ради такого дела... вон даже Трою разрушили... и Греко-римскую!

Я постучал по столу.

– Пока не сместили, слушайте!

Скоффин буркнул:

– Куда тут слушать, если женщина на корабле? Шеф, может быть, ее за борт, как Стенька Разин? Окно широкое...

Габриэлла вернулась с подносом, где выстроились восемь чашек. Густой аромат наполнил комнату бодрящим запахом, однако все уставились на Габриэллу: когда наклоняется над столом, ее могучая грудь не просто натягивает маечку, а становится видна сквозь нее, словно ткань исчезает вовсе.

Я посмотрел на Габриэллу с укором.

– Видишь, как твои гормоны действуют? Ты уж как-нибудь духами их, духами!..

– А это и есть духи, – сказал Секира ехидно.

Габриэлла посмотрела на него с возмущением, но не нашла что возразить, не признаваться же, что это ее жаждущий организм наполняет воздух такими призывными гормонами, что даже наши умники на глазах превращаются в самцов.

Я предложил с раздражением:

– Ну что, сделаем перерыв? Всей командой быстренько сбегаете переулками на Тверскую? Дабы кровь снова вернулась к мозгу?

Заулыбались смущенно, Ворпед вздохнул:

– Да, женщина на корабле – это чума в Европе. В самом деле, за борт – самое разумное.

Габриэлла вздернула носик и сказала с отменным чувством достоинства:

– Я просто мимо проходила. Разве кофе и булочки не понравились?

– Хреновая замена, – вздохнул Ворпед тоскующее.

Скоффин повернул голову, в шее захрустели позвонки, он провел пальцем по календарю на стене.

– Март, апрель, май... заканчивается! Тридцатое. Ворпед, ты календарь потерял?

– Хорошему коту и в январе март, – сказал Кулиев знающе. – А Ворпед у нас еще тот котяра... Как послушаешь его, гм...

Габриэлла крикнула мне из прихожей:

– Не вставай, я дверь захлопну сама!

Все затихли, донесся щелчок автоматических замков. Ворпед спросил с беспокойством:

– Не обиделась?

– Нет, напротив, – ответил я. – Женщины любят, когда мужчины занимаются делом, а не сексуалют, хотя нам говорят обратное. Итак, на чем остановились? Ах да, таким образом у нас будет одно революционное нововведение, которого нет ни в одной игре! К тому же мы с чистой совестью скажем себе, что не проповедовали, не возвеличивали и не пропагандировали никаких некромантов, колдунов и прочую нечисть в человеческом облике. Мы представляем из себя чистое духовное христианство, которое в свое время смело в мусор всех этих богов, демонов, магов, драконов...

Николай поднял руку.

– Можно мне? А ведь это в самом деле первая игра, которую можно будет рекомендовать играть с чистой совестью. Думаю, на нее сразу стоит обратить внимание церкви и прочих общественных организаций, которые блюдут чистоту нравов. Да мы сами им подсунем с соответствующими пояснениями.

Я слышал, как Секира придвинулся вместе с креслом к Аллодису, спросил тихонько:

– А ты за кого вообще играешь?

Аллодис ответил безучастно:

– Я, наверное, латентный расист.

– Это как?

– Ни за кого, – объяснил Аллодис, – кроме людей, баймить не могу и не буду. Утонченные длинноухие эльфы – такие же уроды, как и орки.

– Я за светлых эльфов, – заинтересовался разговором Ворпед. – Они на стороне добра!

– Он спросил, – отмахнулся Аллодис, – я ответил. Мне по фигу, светлые они или темные. Это как собаки – если с нами, то друзья человека, если против – дикие лесные звери... Но я никому ничего не навязываю! Просто понимаю: человек – это человек, все остальное – уроды, жертвы мутации. Понимаю, ваша политкорректность доходит и до того, что готовы играть даже за негров... простите, за орков, те вообще не черные, а вовсе зеленые, но я человек твердых убеждений. Мне по фигу, в какую сторону дует ветер.

Секира сказал с отвращением:

– В самом деле – расист!

– Я же сказал, – мирно ответил Аллодис, – мне по фигу, что обо мне говорят демократы и всякая политкорректная... гм... вымараем вместо цензуры. И ввиду наличия дпм-с. Что, нет?... Извините, я просто увидел длинные волосы... Ладно-ладно, я пошутил! Цензура мне тоже по фигу, но дамы – сдерживающий фактор покруче любой цензуры, закона и указов военного времени нашего все еще переходного периода. Словом, я всегда только за людей. Вот и все. Больше не спрашивайте, а то наш демократ Кулиев настроит заявление в Гаагский трибунал с требованием привлечь нас к ответственности.

Секира подумал, сказал нерешительно:

– А как насчет гномов? Мне вообще гномы нравятся... Я за них пару раз играл, столько денег накопил...

Аллодис развел руками.

– Тут уж ничего не поделаешь. Гномы – евреи того мира. Они, не выходя из города, пол-миллиона за день делают, в то время как я целый день с оголенным мечом и высунув язык бегаю по лесам и долинам, бью монстров, лечусь, убегая, подвергаюсь опасности и зарабатываю едва сто тысяч! Да и то половина уходит потом на ремонт доспехов, закупку лечебного зелья. Я понимаю, что те, кто баймит за гномов или темных эльфов, – настоящие демократы и политкорректные люди. У них там что ни фильм, то обязательно у белого полицейского напарник – негр. Но у нас не Америка...

– И что? – спросил Секира с подозрением.

– А то, – ответил Аллодис подозрительно мирно, – что отношение к неграм другое.

– Какое? – поинтересовался Секира еще подозрительнее.

– Другое, – ответил Аллодис уклончиво. Посмотрел на Кулиева, тот даже не повернул голову в сторону спорящих, но по фигуре видно, что прислушивается, добавил ядовито: – А кто играет за темных эльфов, тот демократ, политкорректник и наверняка пидорас. В смысле, гей. И жопу подтирает не бумагой, а серпантином из-за утонченности своей натуры. То есть просто замечательные лю... существа! Не то, что мы – люди.

Кулиев наконец повернулся вместе с креслом и заявил с достоинством:

– Между прочим, возможность играть за любую из рас приобщает человека к мысли, что все существа во Вселенной... равны.

– Ну да, – сказал Аллодис, – ну да, вы победили. Уже однополые браки пошли во всю, уже трансвеститы маршируют по улицам... Почему бы и негроидным эльфам или этим уродам... как их, ах да, орки... не маршировать в баймах и не побивать светлые силы?

Кулиев сказал с неудовольствием в голосе:

– Тебе дать волю, так вообще получится полицейское государство!

В комнате запахло напряжением, Скоффин вот-вот взорвется, а это новый виток страстей, я заговорил трезво:

– Ребята, разгул политкорректности всех достал, признаю. Самого вся эта дурь бесит. Но в играх-то сделать что можем?.. Если всех уродов и мутантов зачислить туда, где им место... в смысле, для истребления, то у нас что остается?

– Люди, – ответил Аллодис сурово.

– Только люди?

Аллодис огрызнулся:

– Люди все разные!.. У нас пока что всего два класса: воины и священники. Но, согласись, даже для Средневековья это поразительно мало. Все-таки были торговцы, ремесленники, алхимики, путешественники... Все они могут развиваться, накачиваться, повышать навыки и переходить на новые уровни своих профессий... а можно будет и поменять!

– А что, – сказал Николай рассудительно, – если фермер вздумает стать рыцарем, то он сможет это сделать, оставив фермерство и заново накачавшись, как простой воин. Затем – элитный, потом перейти в оруженосцы, а после ряда квестов и испытаний – стать рыцарем. При этом у него останутся навыки фермера. Он сможет лучше руководить посевными работами, когда станет лордом и выстроит или завоюет замок. В его владениях урожай будет выше, чем у других лордов!

– Хорошая идея, – согласился я. – Проработай ее хорошенько. И разработай систему миссионерства. Церковь должна быть сильной и воинствующей, а не тем говном, во что превратилась сейчас.

Кулиев спросил саркастически:

– Это что же... будем в русле официальной политики? Сейчас даже в школы впихивают усиленно «Основы православия». Глядишь, патриарх милостиво по плечу похлопает. Только не знаю, что из православия можно выжать...

Я поморщился:

– Сарказм хорош, когда уместен. Я сказал «христианство», при чем тут православие?.. В христианстве борьба взглядов приводила к жесточайшим религиозным войнам. Там бурлила жизнь, возникали новые течения, папы ставили королей на колени, а в православии застой со времен Византийской империи. О православии упоминать не будем вообще. Это ясно?

Кулиев промолчал, зато Николай встал по стойке «смирно» и ответил, вытаращив глаза:

– Ясно, ваша бодь! Будет исполнено.

– То-то, – сказал я уже милостиво и предупредил: – Будет исполнено плохо – на конюшню. Или шпицрутенгов отведаешь...

Я поднялся, поясница после долгого сидения затрещала так, что Кулиев удивленно вскинул брови.

– Все, заканчиваем на сегодня. Либо сделаем перерыв, чтобы в голове утряслось. А то уже делим шкуру неубитого медведя. Кстати, Николаю предлагаю взять на себя руководство пиар-кампанией. Раз уж такую идею выдвинул... Как это отказываешься? У нас, знаешь ли, работа как вступление в колхоз – сугубо добровольное дело: хочешь – вступай, не хочешь – расстреляем. Кто за то, чтобы Николая, он же Николай Страхов и NickFear в одном лице назначить генеральным по паблик рилейшен, или, как говорят в народе, пиар-кампании? Кто против? Единогласно!.. Поздравляю, Коля, с первым назначением в нашей богатой и процветающей... в будущем, конечно, фирме.

Николай вздохнул.

– С первым и первым насильственным назначением... Интересно начинается наша работа. Что-то дальше будет?

Глава 8

Ворпед вышел вслед за Киричем на балкон, я ревниво прислушался, очень не хочу, чтобы чем-то обидели, писатели – народ ранимый, вдруг повернется и уйдет, а он уже доказал, что умеет генерировать идеи не только в книгах. В самом деле, всего лишь заменить магов священниками – уже новинка, которой нет ни в одной байме! А сделать это просто, только одеть иначе, крест на пузо и рясу не забыть. Кстати, ряса и так смахивает на длинные халаты магов...

Сквозь распахнутую дверь донесся деликатнейший голос Ворпеды:

– Петр Васильевич, а вы верующий?

Кирич даже отшатнулся в великом удивлении:

– Я? Да неужто похоже?

Ворпед сказал торопливо:

– Нет, я не имею в виду, посещаете ли церковь, читаете ли молитвы, а как бы вообще...

Вон как вы против магии!

– А-а-а, – сказал Кирич, – ну, если в этом смысле, то такими верующими охотно признавали себя Ньютон, Эйнштейн, Рассел, все великие мыслители, да и сейчас признают. Я тоже в этом смысле верующий, так как верю в добро, в необходимость справедливости, верю в то, что наши корабли полетят к Марсу...

– Ну, это несколько иная вера...

Он пожал плечами.

– Первый шаг к вере – отрицание зла. Перестаньте расписывать стены в подъездах непристойностями – вы уже на шагок к вере. Остановите того, кто расписывает, – вы уже верующий!

Ворпед оглянулся в дверной проем на оставшихся за столом. Брови полезли на лоб. Похоже, уже представил их с молитвенниками и бьющими земные поклоны, мы же не можем без этого, противодействие пропаганде равно силе ее натиска.

Кирич вздохнул, вернулся в комнату. На него подняли взгляды, прервав разговор, он широко улыбнулся, показывая желтые полустертые зубы, но еще целые, толстые и крупные, и сказал с неожиданной мягкостью:

– Надо быть экстремистами, – сказал он. – Потому что пока сделаем, наш экстремизм уже им не будет. Весь мир катится... гм... в нужную сторону. Я рад, что мы нашли общий язык.

Я незаметно поглядывал на лица Кулиева, Скоффина, Ворпеды – они ближе всех к Киричу и самые активные, но и по глазам Аллодиса, Секиры и Николая вижу, что крайне левая... или крайне правая, кто их разберет в этой сумятице, позиция Кирича нашла отклик.

– Я тоже рад, – сказал Скоффин.

– И я, – добавил Ворпед.

– Я тоже, – сказал Николай с широчайшей улыбкой на и без того широкой добродушной роже.

Я видел, как перевел дыхание Аллодис, стараясь не показывать виду, что у него отлегло от сердца. Огромный камень скатился и с моих плеч. Кирич все-таки величина, и как бы ни потешались над его экстравагантными выходками, но у него это выплескивается излишняя мощь, как у нас ночью во время поллюций. Другого бы погубили, а Кирич успевает и митинг устроить на Красной площади, и книги, что приносят неплохой доход, пишет легко и быстро. Книжки в самом деле рульные, раскрутка или скандальный промоушен и близко не лежали. – И напоследок, – сказал Кирич, – чтобы уже не оставалось неясностей. Вроде бы уже знаю ответ, но все же уточню: делаем игру для высоколобых или «для всех»? Дело в том, что я сам пишу две серии: одна для умников, за которую меня все очень-очень уважают, но мало платят, так как тиражи небольшие, в ней я показываю всю интеллектуальную мощь, и вторая «для всех»,

которая дает тираж в миллион экземпляров каждый год, большие гонорары плюс роялти и немалую известность.

Мне кажется, мы все-таки будем делать для всех, ориентируясь на общие вкусы, так? В этом случае предлагаю взять за основу цикл моих романов, ориентированный на общие вкусы. Сэттинг беру на себя. Цикл пользуется великим успехом и выходит большими тиражами. Там противостояние страны гордых воинов, страны колдунов и страны, покрытой лесом, где живут загадочные лесные люди. К ним примыкает небольшое княжество, где правит герой другого цикла, через это образование связанный с тем миром. Всех популярных героев моих книг, которые пользуются любовью читателей, предлагаю сделать НПСами, которые дают квесты и пр. Это и всех фанов этой серии заставит стать игроками.

Мы слушали внимательно, Кулиев пробормотал:

– Да, это все замечательно...

Кирич поинтересовался с легкой улыбкой:

– Что хочу за свое участие, хотите спросить, да все из деликатности не решаетесь? Зарплата меня не интересует, так как я один из самых высокооплачиваемых авторов вообще, а не только в жанре фэнтези, но раз уж беремся за дело, на успех которого только надеемся и урожай будет через несколько лет, то я должен разделить все риски и возможность провала. То есть я в доле, размер которой вы определите сами, просто вам виднее, для меня разработка игр – новый мир. А вам я доверяю и потому, что вообще с великой симпатией отношусь к создателям игр, и потому что вы лично мне очень-очень понравились.

Сперва всем почему-то казалось, что каждый будет работать дома, сейчас же эпоха Интернета, раз или два в неделю, а то и в месяц – собираться у меня, но я взял в аренду небольших размеров офис, сказал настойчиво, что все работаем здесь. А Интернет для того, чтобы и после рабочего времени можно было позаниматься любимой работой дома, а мусорные ведра пусть жена с тещей выносят.

Впрочем, понимая, как мы вообще работаем, я, помимо стандартных столов, компов и могучего сервака, купил еще и пару широких кожаных диванов, а также несколько удобных кресел. В них можно не только вытянуть натруженные ноги, но и двумя движениями скрытого рычага превратить их в диваны-кровать.

Компы сейчас достаточно мощные, чтобы для создания игры не покупать что-то особое, чем пользуется разве что Пентагон, однако Аллодис сказал, что для начала хватит и трех мощных Ксеонов. Я тут же взял телефонную трубку, но Аллодис уточнил раздраженно, не сдурел ли я, только ламеры покупают готовое, а нам нужны лишь комплектующие.

Он сам составил список, и, когда все это железо прибыло во множестве коробок и коробочек, они собрали именно ту конфигурацию, что нужна. Полдня выкидывали коробки и пенопласт. Хорошо, дисплеи не собирают, привезли прямо со склада. Правда, только один в двадцать один дюйм, зато остальные – двадцатидюймовые. Конечно, роскошь, я и на своем семнадцатидюймовом вижу то же самое, но Аллодис, как специалист, уверяет, что от крутизны железа зависит если не все, то намного больше, чем я могу предположить.

Когда убирали пустые коробки и толстые хрустящие вкладыши, похожие на застывшую пену, Кулиев вдруг остановился с большим куском пенопласта в руках.

– Кстати, – сказал он вдруг, – как назовем байму?

Все начали оглядываться друг на друга, я видел по их лицам и заблестевшим глазам, что сейчас посыплется названия вроде «Пылающие Мечи», «Убийцы Драконов» или что-то подобное кроваво-ужасное, сказал с тоской:

– Может, отложить на потом? Будем делать просто байму. А название как-нибудь за это время и придумаем...

Ворпед кивнул, соглашаясь, Николай вроде не возражает, но Кулиев сказал настойчиво:

– Все верно, но как-то анонсировать будем?

– Не сейчас, – сказал я, – а то сглазим.

– А на каком этапе?

– Не знаю, – признался я. – Я все боюсь, что рассыплется у нас эта затея. Все мы избалованные, если честно. Одного желания вырваться из серой и благополучной нищеты – мало. Вато...

Кирич кашлянул, на него оглянулись, он сказал с мягкой улыбкой:

– Можно мне? Я понимаю, что у нас есть свои секреты, но их в анонсах разглашать не будем. Просто заявим, что делаем «первую игру четвертого поколения». Ну, я понимаю, что на самом деле третьего поколения, но какие-то фишки будут, что сделают ее лучше Вангарда? Вот это и будет зацепкой. А для имени у меня есть одна задумка... В ней все понимание искусства вообще, включая театр, кино, живопись и литературу. Я предлагаю назвать байму «Реальный Мир».

Кулиев переспросил озадаченно:

– Реальный?.. Но ведь это мы живем в реальном? А создаем виртуальный? Вернее, будем создавать?

Кирич улыбнулся:

– Константин, вы всегда очень точны в формулировках. Это ценно, но когда касается искусства, то все формулировки бывают перевернуты и отказываются верными только тогда, когда перевернуты в обратную сторону. Так и в этом случае. На самом деле это искусство формирует не только всю человеческую деятельность, цивилизацию, но вообще всю нашу реальность. Никакой гений не гений постоянно, а, как бы сказать точнее, местами или пятнышками, то есть в отдельные моменты взлета духа и мысли. Эти вот моменты и остаются в искусстве, а в остальное время гений пьет и ходит по бабам, как простой грузчик, ссорится на рынке с базарной торговкой, впадает в хандру, подстегивает себя наркотиками...

Кулиев слушал внимательно, но в глазах оставалось настороженное выражение.

– Кажется, – произнес он сдержанно, – начинаю улавливать. Но ведь надо, чтобы все понимали с ходу? Или будем к коробке с игрой прицеплять длинное объяснение, почему так названа?

– А потребителям это и не надо, – объяснил Кирич. – Я знаю по своим книгам, какое бы нелепое название ни дал... а я не раз экспериментировал!.. ни у кого не возникает вопросов. Что напечатано крупными буквами, то и верно. Это вопрос только для нас. Потому и говорю, что реален только мир искусства, который все тысячелетия создает наш мир, лепит его, формирует, обтесывает, тащит, возвышает, ведет!.. И те, кто создает этот мир, на них особая ответственность. В сознании обывателей укоренилась мысль, что прогресс и вообще цивилизацию двигают наука и техника, пусть так и думают, это безопаснее, но мы-то знаем, что наука и техника послушно идут в русле, которое прокладывает для него искусство. Потому предлагаю назвать кошку кошкой, собаку собакой, а нашу байму тем, чем она является, – Реальным Миром!

Все наконец-то разбежались по своим местам, у каждого дрожат руки от нетерпения начать делать то, что, конечно же, изменит мир.

Я постоял посреди комнаты, оглядывая помещение, привыкая к миру, где проведем, если все пойдет хорошо, два-три года. Если не разбежимся, не завалим, не сопьемся, не... и так далее, соблазнов много, а уж рытвин еще больше.

Мой стол еще просто стол, на нем дисплей, ящик внизу, а так вообще еще не видно, что это именно мой. А вот кулиевский уже отличим: стерильно чистенький, осторожный, как и сам Кулиев, сдержанный. Чем руководитель выше рангом, тем меньше у него на столе бумаг и вообще чего-либо. У Кулиева это, видимо, все-таки больше не от честолюбия, а от чрезмерной осторожности как в словах и поступках, так и в таких вот проявлениях. К нему не придраться,

это не бардак на столе Скоффина, не надкусанные бутерброды на столе Николая или фото бодибилдеров над столом Секиры.

У Николая слева от клавиатуры прозрачный и очень хрупкий пластиковый футляр-упаковка от какой-то платы.

Стол Скоффина завален всякой хренью так, что даже монитор выглядывает, словно вершина айсберга из груды торосов. Чтобы печатать на клавише, он всякий раз раздвигает свалившиеся на клавиши справа и слева флешки, диски, накопители, платы, энерджайзеры, сухарики, печенье, бутылочки пепси и прочее вообще непонятно как попавшее на стол.

У Секиры справа и слева от монитора множество баночек и пластиковых упаковок спортивного питания, стимуляторов роста мышц, расширителей потока крови, дабы протеин и креатин проникали во все нужные капилляры, огромная пятикилограммовая банка с гейнером, откуда трижды в день зачерпывает специальной мерной ложечкой белый порошок и размешивает когда в молоке, а когда и в простой воде.

Ампулы карнитина блестят между груд лазерных дисков, еще Секира постоянно пьет тирозин, тот вроде бы стимулирует мозг, еще и магний для той же цели, аминокислоты и витамины, минералы и растительные анаболики, что вроде бы безобиднее синтетических...

Я помню, Секира всегда играл орками, выбирая самых крупных и жутких с виду, потому что в реале рост у него... мягко говоря, как у самых великих диктаторов: Цезаря, Наполеона, Гитлера, Сталина, сложение тоже очень даже интеллигентное, голос тихий, так что, понятно, в виртуале он по законам возмещения всегда в рядах самых сильных и крутых бойцов.

Над столом по всей стене цветные фото Колмена, Зана и прочих бодибилдеров с втянутыми пузами и угрожающе вздутыми мышцами.

Николай долго рассматривал мускулистых мужиков, сам невольно подтянул пузо и напряг плечи, поинтересовался:

– А бабы, бабы где?

Секира отмахнулся:

– На фиг?

– Ты чё? – удивился Николай. Спросил опасливым шепотом: – Или ты эта... нестандартный?

– Иди ты, – ответил Секира обиженно. – Сам ты этот... Я ж не баба? Сиськи не отрицваю?

– Хе, а как насчет красоты, что спасет мир? Красота – страшная сила!

– Вот-вот. Потому культуристки сильные, но страшны-ы-ые...

Николай вздохнул: что этот малыш понимает в сиськах, пошел к своему столу, где рядом с монитором призывно поблескивает, как ледяная корочка, пластиковый футляр из-под Джифорс, как будто специально спроектированная под исполинский бутерброд. Николай его не выбросил, теперь это удобный ящичек для бутербродов. Магазинным гамбургерам и чизбургерам не доверяет, и когда я вижу, как просвечивает сквозь прозрачные стенки охрененной толщины бутерброд, бегемот удавится, то понимаю: далеко проклятой Америке с ее гамбургерами до толстого куска сала между тонкими пластинками хлеба.

Глава 9

И вот только запустив работу на все обороты, я отправился по инстанциям регистрировать фирму. Заранее морщился и стискивал зубы, представляя, что меня ждет, когда начну, как нищий проситель, собирать бумаги на разрешение создания нашего ООО, которое, не мудрствуя лукаво, назвал тоже «Реальный Мир». Уверения прессы, что с каждым годом регистрация предприятий становится все проще, меня не убеждают.

Не знаю, то ли у них такая агитка проплачена, то ли сверху кулаком стукнули, чтобы иностранцев не отпугивать, да и своим охоту не отбивать заниматься частным бизнесом, но пресса уверяет, что все хорошо, все поют, предприниматели, хоть свои, хоть зарубежные, рвутся заняться у нас бизнесом... но я вижу, что никак не дорвутся почему-то. Правда, есть слух, что те акулы, что дорвались первыми, закупили чиновников на корню, чтобы те не допускали новеньких.

С понедельника, пока наша команда еще не остыла и не передумала, я отправился по инстанциям. К моему удивлению, все в самом деле прошло гладко, хотя никакого смягчения законов я не заметил, просто после четырех крахов чувствую себя таким прожженным и циничным дельцом, что не стеснялся предлагать взятку. Ее тут же брали, я получал необходимую справку, за которой надо выстаивать в очереди месяцы, шел дальше. В следующем кабинете оставлял еще пару зеленых бумажек, тут же мне выдавали все, что требуется. Так я за неделю собрал всю гору регистрационных документов, а на следующий выходной заявил своей команде, что отступать некуда, фирма создана, деньги я вложил, теперь отступать не только стыдно, но и преступно по отношению к товарищам.

Меня слушали в молчании, но в некотором нетерпении. У каждого на столе по два-три дисплея, даже на стенах распечатки, все уже приступили к работе, вкладывая в нее весь жар, жадность, нетерпение и накопленные за долгие годы безделья задумки.

– Шеф, – сказал Николай твердо, – жилы порвем, но сделаем!

Половина ребят еще оставались в офисе, а я потащился домой, благо уже поздно, пробок нет, да и ехать недалеко. Консьержка взглянула чуточку удивленно: я загулами не отмечен, домой прихожу рано. От нее это знают мамыши, у которых дочери на выданье, потому присматриваются, собирают слухи о моем прошлом, уже улыбаются очень приветливо.

Тело гудит, как телеграфный столб под напором ветра, я торопливо принял душ, должно освежить, но не освежило, голова раскалена, в мозгу множество идей, все перемешивается, как в кипящем котле, а я все выбираю оптимальные варианты работы.

В команду подобрались играющие или игравшие, за исключением Аллодиса. Он, как понимаю по его характеру, в играх получает именно то, что ему недостает в жизни: власть, влияние. Крохотные людишки на экране подчиняются любому клику его мышки. Строят – когда велит строить, пашут – когда велит пахать, идут на войну – когда велит воевать. Империи растут и подчиняют себе весь мир под его мудрым руководством.

Зато лучше его никто не умеет обращаться с прогами по созданию трехмерных объектов, начиная с три-дэ-макса и заканчивая прогами по дорисовке уникальных объектов. Вернее, все мы умеем или почти все, но Аллодис делает моментально то, на что я потратил бы день, а Скоффин – три часа. По-моему, его ведет в работе не точный расчет, а вообще интуиция, что на самом деле тоже точный расчет, только мгновенный, пропускающий без внимания всю длинную цепочку уравнений, а сразу при формулировании задачи выдающий конечный результат...

Я не сразу уловил, что мобильник трясет, как в лихорадке, машинально поднял крышку. С экранчика взглянуло удивленно-рассерженное лицо Габриэллы.

– Извини, – сказал я, – принимал душ.

– А что волосы не мокрые? – спросила она с подозрением.

– Высушил, – выкрутился я. – У меня фен там же, в ванной. А потом пригладил волосы. Ты же знаешь, не люблю выглядеть как менеджер.

– Ну да, – сказала она язвительно, – для тебя это ниже твоего достоинства! Настоящий мужчина должен выглядеть чуточку небрежным...

– Не продолжай, – попросил я. – Из твоего хорошенького ротика не должны вылетать такие определения.

Она сказала язвительно:

– Знал бы ты, что этот хорошенький ротик делал полчаса назад!

– Гарик приходил? – догадался я.

Она кивнула:

– Да. Сообщил, что его родители уже сговорились с моими. По правде сказать, я уже не нахожу его... прежним занудой. Парень очень быстро обучается, старается понравиться. Такие становятся очень хорошими мужьями.

Я вздохнул, в груди появилась пустота. Габриэлла уходит, это я чувствовал и предчувствовал, такова логика нашей звериной жизни, но в душе теплилась надежда на какое-то чудо.

– А как ты смотришь?

Она вздохнула, даже на крохотном экранчике видно, что лицо ее помрачнело.

– Сам знаешь, я предпочла бы выйти за тебя. Но родители категорически против. Правда, отец готов пойти на эту уступку при одном условии...

– Каком? – спросил я с надеждой.

– Если ты пойдешь на службу. В одно из подразделений банка или концерна, который он контролирует. И больше не будешь связываться с предпринимательством.

Я задумался, серьезно поколебленный. Ее отец, владелец крупного банка, металлургического завода и целой сети супермаркетов, очень любит единственную дочь и старается сделать ее счастливой. Он даже не против, чтобы вышла замуж за меня, но с условием, что пойду на службу к более удачливому. Человек, который четырежды потерпел полный крах, только в математике обязательно победит в пятый раз, там царит теория вероятностей, а в жизни, как все мы понимаем, наверняка провалится снова.

– Знаешь, – сказал я, – если бы ты сказала это неделю назад!

– Он только сегодня пошел на уступку, – сердито возразила она. – Я плакала, скандалила, и он сказал, что поставит тебя старшим менеджером, даст высокий оклад... очень высокий!.. но ты должен пообещать, что не станешь больше...

Я вздохнул.

– Уже стал.

– Когда ты успел?

– Помнишь, ты пришла и застала кучу ребят? Это был первый день работы нашей фирмы.

Она охнула:

– О господи... Во что ты на этот раз вляпался?

Я пробормотал, чувствуя свои позиции очень шаткими:

– Мы решили создать байму некст-ген.

– Что это? – спросила она настороженно.

– Компьютерная игра следующего поколения, – перевел я.

– О господи, – повторила она потрясенно. – Это же... ты же этим никогда не занимался!

– Никогда, – ответил я слабо.

– Как ты в это вляпался?

– Сам не знаю, – ответил я убито. – Наверное, ухватился за первую же ветку, до которой дотянулся, чтобы не утонуть в болоте. Но, понимаешь, уже не брошу, это говорю сразу. Ребята в меня поверили, я глава фирмы, у меня контрольный пакет.

Она фыркнула.

– Не смейся! Контрольный пакет... Бабка на базаре семечки продает, у нее вообще все сто процентов долей капитала! Эх, Володя, я даже не знаю, что и сказать отцу. Он меня очень любит, ты знаешь.

– Знаю, – ответил я трезво.

Щелкнуло, экранчик потемнел, связь оборвалась. Я секунду смотрел тупо, словно Габриэлла вот щас перезвонит и все переменится волшебным образом, но мобильник молчал.

Забыв поужинать, я рухнул на постель, сна ни в одном глазу, но теперь перед внутренним взором, заслоняя весь мир, стоит Габриэлла. Габриэлла, дочь известного банкира, вообще из семьи потомственных банкиров. Ее прадедущка и дедушка занимали важные посты в советском правительстве, тоже по финансовой части, а потом, когда пришли рыночные отношения, старые связи и некоторые комбинации помогли создать один из первых частных банков, ставший вскоре акционерным, но контроль по-прежнему принадлежал семье Верещагиных.

Сейчас дедушка на покое, бравый такой дедуган, три месяца в году проводит на своем острове в Средиземном море, где у него настоящий рыцарский замок, а также месяц – в Техасе, стараясь понять, зачем он купил там ранчо на сорок гектаров. Дед ко мне отнесся с большей симпатией, чем отец, который скривился, будто проглотил дохлую жабу, когда ему угодливо доложили о четырех моих финансовых крушениях. Я понял, что включен в длинный список охотников за богатым приданым Габриэллы и хрен кто сдвинет папашу с этой точки зрения.

Правда, папаша, как и дед, безумно любит Габриэллу, она всегда была гордостью и украшением: самая хорошенькая в детсаде и в школе, училась всегда без напряжения и репетиторов и только на «отлично», прекрасно поет, танцует, рисует, в вуз поступила принципиально без блата, да и трудно не поступить, когда с милой улыбкой отвечаешь на любые, самые каверзные вопросы экзаменаторов. Такое сокровище папаша не захочет выпустить из рук, это ясно, мне уже намекали, что выбор Габриэллы хоть и не одобряют, но препятствовать любимой дочери не станут, однако я должен работать в их конторе. То ли в банке, то ли купленном банком супермарете: мне обеспечат высокую хлебную должность, ибо у зятя должна быть высокооплачиваемая работа и личный мерседес с шофером.

И вот сейчас я обрубил и этот шанс...

Я рухнул на постель и попытался себе представить, что же сделает Габриэлла. Мы любим друг друга, оба это чувствуем, и оба знаем, что любим. Сегодня она все расскажет отцу, а возможно, и деду. Маме, конечно, тоже, хотя мамин голос там не котируется. Мама занята все возрастающей войной с морщинами, целлюлитом, отвисанием щек, складками на шее – на это уходит вся ее энергия, все мысли и все силы.

Отец, понятно, обрадуется, а Габриэлла в слезах воскликнет, что это подло – радоваться. Отец тут же извинится, но начнет рассказывать, что жизнь Габриэллы только начинается, впереди долгий путь, и нужно, чтобы рядом был человек, на которого можно положиться в любой момент. Это мужчины могут любить женщин за длинные ноги, но среди женщин таких дур нет. Они все ищут в мужчинах стабильность, уверенность, готовность защитить их на длинном жизненном пути. Мужа нужно не только любить, это иногда угасает, но и уважать. А разве можно уважать мужчину, который допускает крах, уже будучи семейным? Конечно, он, ее папа, снова даст денег, спасет, прикроет, выручит, погасит долги, однако, Габриэлла, сама подумай...

Я задышался от ярости, ворочался и стискивал подушку, представляя, как спокойные, рассудительные доводы подействуют на Габриэллу. Все-таки она, несмотря на черточки творческой личности, неизвестно от каких предков проснувшиеся в ней, по-семейному рассудительна, умеет выстраивать длинные логические цепочки, в которых я быстро терялся, умеет

на основании двух-трех фактов, поставив их верно на плоскости, провести умозаключения к единственно верному результату...

Каков, какой будет результат?

Я стискивал кулаки, рычал в подушку и чувствовал, как лицо становится мокрым от слез. Я не логик, я интуитивист, но и я, перескакивая через длинные цепи умозаключений, вижу, что получается на выходе вообще-то нехитрого уравнения.

Утром я подъехал к зданию, где снято помещение под фирму, парковался, в этот момент в нагрудном кармане затрясся мобильник. С экранчика взглянуло строгое лицо с внимательными глазами, чуть-чуть высокомерное, но я уже знаю эту защитную реакцию хрупкого существа, что старается отпугнуть колючками слишком уж назойливых.

– Привет, Габриэлла, – сказал я. – Ты стала рано просыпаться?

– Просто ночь спала плохо, – ответила она суховато. – Вечером долго и достаточно остро говорили с отцом.

– С твоим поговоришь, – сказал я тоскливо.

Он поморщилась:

– Да, отец больше привык говорить, а остальные должны слушать. Но я у него не служащий, так и сказала, после чего он разговаривал со мной... ну, почти как с равным. Должна тебе сказать, он умеет быть очень убедительным.

– Еще бы, – ответил я. – Как бы он достиг таких высот?

Охранник на стоянке всматривался внимательно и подозрительно, еще не запомнил новых людей и новую фирму, в дверях другой охранник потребовал пропуск. Габриэлла сердито спросила:

– Ты с кем там разговариваешь?

– Да вот прохожу допуск, – ответил я все так же невесело. – Мы сняли помещение слишком близко к государственным объектам...

– Давай адрес, – потребовала она, – приеду взглянуть. Ну просто не верю, что ты снова вляпался!

Она подъехала достаточно быстро, словно воспользовалась вертолетом, хотя, как мне кажется, частные вертолеты пока над центральной частью Москвы не летают. Я успел увидеть, как она чуть было не прошла по коридору мимо распахнутой двери, у нас еще тот офис: грузчики затаскивают мебель, а наши ребята ползают на четвереньках по всему помещению, нужно проложить километры дополнительных проводов, такое никаким электрикам нельзя доверить.

Она вошла с некоторым недоверием, туда ли попала, на нее сразу уставились с великим восторгом, Габриэлла отличается элитной длинноногостью и мини-юбочкой, Секира еще и лег, якобы смотреть на провода, по губам Габриэллы скользнула легкая улыбка, внимание молодых здоровых ребят всегда льстит, даже если вот в такой форме.

Она понаблюдала за суетой с невеселой улыбкой, я сказал с оптимизмом:

– Теперь видишь, что не для баб снял?

Она покачала головой, в глазах проступила такая грусть, которую я никогда не видел на ее лице.

– Лучше бы для баб.

– Что с тобой? – спросил я встревоженно. – Почему лучше?

– Да что бабы... Тебя они никогда не увлекут. И не разорят.

– Вот ты о чем, – сказал я. Потоптался, как медведь на арене, развел руками. – Извини, Габриэлла, но я никогда не клялся, что навсегда завязал с предпринимательством.

Она сказала тихо:

– Просто я думала, что ты наконец-то остепенился.

– В смысле, признал себя окончательно слабым?

Она возразила с жаром:

– Я так не говорила! Что, все, кто работает в компаниях, не являясь их хозяевами, слабаки?.. Володя, что ты говоришь?.. За какие обиды ты хочешь поквитаться с миром? Бизнес жесток, не все в нем выживают. Это не значит, что они слабые. Самые могущественные люди на свете, кстати, как раз назначаемые и выбираемые, начиная от президентов стран до президентов ларьков...

– Я знаю, – прервал я. – Но я не хочу быть даже генеральным директором на комбинате по производству трусов для футболистов или рулить производством комбикорма. Что делать, я уже вкусил отравы частного предпринимательства...

Она подошла вплотную, я обнял ее за хрупкие плечи. Она подняла голову, на меня взглянуло бледное лицо. В глазах блистала влага, запруда прорвалась, прозрачные дорожки побежали по бледным щекам. Мороз продрал меня по шкуре. Я целовал ее щеки и мокрые глаза, и все время не оставляло мерзкое ощущение, что это наша последняя встреча.

Ребята притихли, как мыши, даже Секира потихоньку встал и отошел к своему столу. Наконец Габриэлла высвободилась из моих рук, сделала шаг к выходу. Я пошел с нею, вышли из здания, так же молча я открыл ей дверцу. Она села за руль, лицо заплаканное, в глазах ожесточение и злость.

– Ты мне всю жизнь испортил, – прошептала она.

– Габи...

– Молчи! Тебе нечего мне сказать. Как и мне тебе.

Я наблюдал, как она отъехала, развернулась, дисциплинированно пропустила машину по главной, выехала на дорогу и погнала, однако не превышая скорости. Молодец, мелькнуло в голове. Я бы уже сделал не меньше чем пять нарушений. А Габриэлла молодец. В руках себя держать умеет.

Глава 10

Еще в коридоре я из распахнутой двери услышал монотонный и занудный голос Секиры:

– Какие расы? Уже решено, или ты забыл? Раса одна: человеки. От этого и пляши, не увиливай, морда зеленая!

– Это ты был орком! – донесся голос Ворпеда. – А я всегда выбирал светлых эльфов!

– Ну, не зеленая, так светлая морда. А теперь, светломордый, попробуешь, как это хреново, быть всегда человеком...

Я вошел в комнату, все начали поворачиваться ко мне, только Кулиев торопливо достучивал что-то на клавише. Я помахал рукой.

– Можете не вставать, я не сомневаюсь в вашей лояльности. Правда, не уверен, что вы еще не забыли, что мы делаем и вообще зачем сюда собрались...

На меня смотрели сочувствующе, я через силу растянул губы в невеселой усмешке.

– Сейчас мир, в котором даже женщины умеют себя держать в руках! Так неужели мы, цари природы, раскиснем? Никаких послабонов ни мне, ни вам, ни нашей байме. Работаем, работаем!

Ворпед сориентировался первым, воскликнул с преувеличенным жаром, весь из себя погруженный в недра баймы, ничего больше не замечающий:

– Шеф! Мы как раз прорабатываем эти... как их... специальности. И возможности. К примеру, если накачанный супервоин в состоянии за день перебить стадо монстров, опустошающих крестьянские поля, то музыкант среднего класса может увести их, как Гамельнский крысолов, сыграв всего лишь одну песенку! Тьфу, молитву.

– И утопить, – кровожадно сказал Скоффин, – отплыв на лодке... Но тогда чтоб поинты ему за это не насчитывались! А то слишком быстро накачается. Это уже будут паровозы. Дисбаланс.

– Это чисто техническая сторона, – уточнил я, заставляя голос звучать твердо, я тоже сумею держать себя в руках. – Главная революционность в том, что впервые отказываемся от всех этих темных эльфов, орков и прочих гомосеков. Ладно, гомосеков оставим, не заглядывать же им в задницы, а прочую слишком явную нечисть уберем.

– А вот лесбиянок оставим, – сказал Секира мечтательно.

Кулиев удивился:

– Ты чего?

– А ты что, имеешь что-то против?

– Гм... вообще-то нет.

– Ну вот, пусть будут. И не тайком, а как бы узаконено.

Они принялись со вкусом обсуждать детали проекта с лесбиянками, Ворпед поморщился, посмотрел на меня с укоризной.

– И нам работать вот с этим контингентом? Они ж не понимают, что нам как раз педики выгоднее! Пока трахают друг друга, нам больше баб остается!.. А они, тьфу...

Я успокаивающе похлопал его по руке.

– Они дураки по жизни, но программеры из них – классные.

– А, тогда хорошо. Их бабы тоже будут нашими. Шеф, что насчет прокачки? Пойдем азиатским путем или, напротив, европейским?

– Теперь моду в баймах задают корейцы, – проворчал я. – А у них прокачка трудная и жестокая.

– А в европейских баймах уже начали отказываться от прокачки!

– Тогда все должно держаться на квестах, – ответил я, – а их любителей намного меньше, чем простого кача. В квестах надо думать, рассчитывать, а кач... кач доступен и понятен всем. Даже умным. Так что прокачку сделаем... да еще сделаем ее долгой и трудной.

От своего стола повернулся Аллодис, глаза полезли на лоб.

– Как? Ты же сам говорил, что ненавидишь кач!

– Это говорил баймер, а не руководитель проекта, – уточнил я. – Лично я ненавижу, но для пользы дела... введем. Уже есть опыт игры в многопользовательские, где пытались отказаться от кача или свести его к минимуму. И что же?... Создал перса и сразу в клановые войны? И так до бесконечности?... Такая игра надоедает очень быстро. Успех Линейки был еще и в том, что кач был невероятно труден. Клановые войны можно начинать на любом уровне, как и ПвП, но большинство предпочитает сперва добраться до высоких уровней. А уж потом... Нам нужна байма, от которой не откажутся через два-три месяца игры!

– В Варкрафт играют вот уже четыре года, – сказал Ворпед завистливо.

Скрффин фыркнул:

– Есть чудачки, в Ультиму все еще играют! Вот уже девять лет!.. В этом году будет десять.

– Вот-вот, – сказал со своего места Николай. – Те игры чем-то поймали на крючок. Нам нужен такой же крючок. Лучше свой, нашенский. Какого ни у кого нет.

Кулиев сказал безнадежно:

– Никакая удачная фишка долго не остается в одних руках. Сразу следом прут клоны. Огромным ревущим стадом!

Аллодис помалкивал, я спросил:

– А ты что молчишь?

Он сдвинул плечами.

– Я уже говорил... Если удастся с движком, то этот вопрос будет решен. От вас только потребуется наловить побольше потребителей. И чтобы не ушли в ближайшие полгода.

Скоффин сказал заинтересованно:

– Извини, я что-то пропустил. Наверное, кофе вам, паразитам, готовил... Допустим, наловим, народ повалит. Но сейчас конкуренция все усиливается. Варкрафт и Лейка собрали сливки в отсутствие серьезных оппонентов, но теперь то золотое время прошло... Каждые два-три месяца выходит новая байма. У них новые движки, новые возможности, ориентация на самые крутые видеокарты...

Аллодис ответил медленно и с загадочным прищуром:

– Мы работаем над динамичным движком. И неплохо работаем.

– Ну, неплохо... это еще не все.

– Да, конечно. Но мне кажется, что именно мы сделаем движок... получше, чем у других.

Хлопнула дверь, вошел Кирич, бодрый и подтянутый, улыбающийся, чем-то похожий на Тони Блэра: всегда ко всему готовый, как протянуть руку, так и дать сдачи. Он приветствовал всех с порога, но, не ограничившись, обошел всех, пожимая руки, заодно заглядывая, кто чем занят, и, как мне показалось, подстраховывая меня, как комиссар подстраховывал командира.

Правда, потом вытащил из сумки ноут и примостил на подоконнике. Ему дали стул, Кирич поблагодарил и, едва комп загрузился, тут же начал что-то в нем настукивать. Я медленно пошел по офису, останавливаясь за спинами друзей, что уже не только друзья, но компаньоны и самонаятые работники. Помню, в первых красочных играх движки были хиленькие, за недельку можно было собрать, а вот художников набирали большие бригады, те отрисовывали целые километры картинок.

Теперь с этим проще. Прошли те первобытные времена, когда художники все ручками, ручками... Теперь, когда есть 3Д-Макс и прочий инструментарий, создавать хоть огромные дворцы, хоть необъятные пространства – нет проблем. И особой фантазии не надо: инет заполнен как реальными дворцами Эрмитажа, Лувра и прочих, так и множеством фэнтезийных.

Рыцарские замки тоже все в инете, как вид снаружи, так и скрупулезно восстановлено все внутри, все залы, лестницы, подвалы. Прав на них ни у кого нет, это самодеятельность, но даже если бы и были, то пара полезных прог легко изменит масштабы, цвет, добавит этажи или башенки, так что любой нуб в состоянии из Лувра сделать нечто совершенно иное, но не менее прекрасное.

За дизайн отвечает Ворпед, он обещал, что где не успеет сам, обзаведется помощниками. Хотя надеется обойтись без них. Инструментарий позволяет. Еще проще с пустынями, лесами, горами, водопадами, ущельями, перекидными мостами. Монстров тоже нетрудно собирать, достаточно осмотреть другие игры, что-то содрать, что-то подправить, а что-то можно и придумать самим, одним глазом поглядывая на чужую дурь...

О музыке я вообще велел пока не беспокоиться. Вообще, на мой взгляд, она практически не нужна, все слушаем только конский топот, лязг оружия, рев монстров, карканье горгулий, голоса НПСов, что суконным языком начинают длинно и занудно объяснять прописные вещи. Обычно пролистываешь побыстрее, стремясь поскорее увидеть слово «квест» и кликнуть по нему.

Впрочем, когда игра будет почти готова, тогда позовем кого-нить из музыкантов.

Я услышал, как Николай вздохнул тяжело, будто тащил нагруженный воз в гору, и сказал просительно:

– В ЭК-3 двадцать четыре расы, сто десять лэвелов, шестьдесят восемь классов... Мы должны сделать больше! Иначе скажут: ацтой, муть, слабаки...

Я услышал, прорычал грозно, мол, шеф не спит, все видит и все слышит.

– Никаких рас!.. Одна раса – люди, это пересмотрю не подлежит даже в аддонах. А вот классов... что такое шестьдесят восемь? Смешно. В реале их сотни тысяч. Подберите самые... ну, самые...

– Реальные?

– Да в жопу эту сраную реальность, это мы делаем Настоящую Реальность! Потому классы подбирайте без оглядки на серость, в которой пока что топчемся. Самые интересные классы. Но чтоб не меньше сотни. А лучше две-три. А ты, Аллодис, хорошенько проработай будущую политику и социальные аспекты акценты и даже аспекты. Без политики у нас останется просто мочилровка мобов, а потом начнем возить мордами по битому стеклу друг друга, но Николай не сдавался, пробурчал вроде бы про себя, но достаточно громко:

– А вот в Саге о Гангеме – восемнадцать рас!.. Да, там выбор! А мы сами себе руки связываем...

Я остановился, прислушиваясь, бросил быстрый взгляд на Кирича, это камешек в его огород, но тот набирал текст, не отрывая взгляда от экрана, то ли не услышал, то ли сделал вид, что не слышит. Кулиев спросил, не оборачиваясь:

– Восемнадцать? Да откуда такие?.. Ну, люди, гномы, эльфы, орки, тролли... ага, еще можно огров... Ну, и все!

– Тупой, – сказал Николай с удовлетворением, – а еще юрист! Эльфы там светлые, темные и лесные – это уже три разные расы.

Я поправил:

– Вида. То, что называется расами, на самом деле не расы, а виды. Биологические виды, если кто не раскрывал зоологию.

Николай отмахнулся:

– Это мы знаем, но народец упорно называет их расами.

Скоффин, любитель точности и наш признанный педант, вмешался:

– По некоторым допущениям их можно считать и расами. Потому что между расами возможно потомство, а между видами – нет. Но в играх создают полувеликанов, полуорков, полуэльфов...

Секира сказал насмешливо:

– Ну это стряпают те, у кого фантазии не хватает придумать оригинальное.

– Ну не скажи, – возразил Скоффин. – Некоторые полукровки бывают очень даже ничего... Конечно, не зампы – человекорыбы и не йопки – человекослоны, те в самом деле уроды, смотреть противно, но вот полуэльфы...

Скоффин тут же согласился:

– Полуэльфы – да, но это исключение. Только потому, что полуэльфы взяли красоту и благородство от эльфов, а силу и ярость – от людей. А также их хитрость, живучесть, жестокость и стремление к приключениям. А вот больше я не помню смешанных рас, чтобы не вызывали омерзения...

Теперь Кирич иногда полуоглядывался, я видел загадочную улыбку на его губах. Мне показалось, что он записывает слова Скоффина. То ли в том виде, как выдал Скоффин, то ли на ходу интерпретирует, но чувствую, что в работу включился сразу.

Во время нескончаемого брейнсторминга договорились, что Реальный Мир начинается с доисторического кочевья. Игрок не может покинуть его, пока не достигнет определенного уровня. Затем переходит в следующую фазу развития общества: рабовладельческое, которое, в свою очередь, делится на раннее и позднее, где снова возможно создание новых империй со всеми их прелестями – безопасными дорогами из конца в конец, строгими законами.

Больше всего, понятно, сил и времени ухлопаем на Средневековье. Раннее, среднее и позднее. Каждую эпоху все клянутся проработать очень тщательно. Ну так, чтобы любой баймер восхотел остаться...

Ворпед встрепенулся, посмотрел на меня живыми глазами:

– Вот-вот, товарищ генералиссимус, это на редкость свежая мысль.

Скоффин негодуяще фыркнул.

– Чем?

Ворпед посмотрел на него с мягким укором:

– А то не знаешь! В каждой игре, где есть переход от эпохи к эпохе, любой игрок старается как можно быстрее добраться до последней формации. Чтобы уже с танками и ракетами обрушиться на запоздавших соседей. Особенно если те только начали переход от мечей и луков к мушкетам и пищалям. Это неистребимо, я во все эти игры переиграл!

Скоффин все еще пофыркивал, но почти все, кто слушал, кивали, да, все верно, стараемся побыстрее проскочить даже самые красивые эпохи ради технологического преимущества.

Я сказал с нажимом:

– В игре, хоть она и онлайн, не может быть шатания по эпохам, как по городам и материкам. Каждый останавливается в той эпохе, которая ему больше всего нравится. И он может быть уверен, что в его рыцарский мир или в мир охотников на мамонтов не вторгнется пришелец с BFG наперевес и не начнет всех мочить противотанковыми...

– А если кто, – спросил Скоффин упрямо, – добравшись до технологического мира, разочаруется в нем и захочет вернуться в Средневековье?

– Пусть начинает сначала, – ответил я безжалостно. – Другим персом. Или чаром.

– С другим именем?

– Конечно.

– А с тем же...

Я сдвинул плечами.

– Какие проблемы? Пусть выберет тот, предыдущий, нажмет на delete. В отличие от реального в нашем мире не должно быть одинаковых имен.

Кирич заметил с тонкой улыбкой:

– В реальном мире раньше тоже не было повторяющихся. Возьмите Библию, тысячи имен... И потом уже церковь следила, чтобы имена давались разные. Это когда нагрянула демократия, ошалевшие от свободы родители начали дать «модные» имена. В один год в детских садах все мальчики – Саши, а девочки – Марины, в другой – мальчики сплошь Димы, а девочки только Наташи... Я за то, чтобы и в Реальном Мире установить нашу систему имен!

Глава 11

Я время от времени переводил взгляд за рамку монитора. Все столы для экономии пространства вдоль стен и вплотную к ним, так что я вижу только затылки своей команды, один я сижу так, что стоит чуть сдвинуть глазными яблоками, как все на виду.

Так получилось нечаянно, просто места не хватило, но Скоффин ехидно тут же одобрил, мол, надсмотрщик должен видеть всех галерных рабов сразу. Секира заметил, что на всех европейских предприятиях место начальника тоже располагают так, даже на небольшом помосте, чтобы в самом деле видел сразу всех, но на это никто не обратил внимания, неинтересно, а вот рабы – да, круто, это ж можно язвить и даже бунтовать против любого деспотизма. А деспотизмом объявить можно все, это уже проходили.

Но пока работа кипит, половина команды и ночует в офисе. Все загорелись идеей создать лучшую байму, а я прикидывал осторожно: надолго ли хватит энтузиазма, чем подкрепить, какого бензинчику плеснуть в затухающий костер, когда придет опасный момент, какую еще морковку подвесить...

Самое стремное, что возглавил это дело я, который толком ни в одну байму не играл. Конечно, с выходом какой-нибудь широко разрекламированной ММОППГ я покупал клиента, делал чара и входил в игру, где некоторое время бегал, дрался, бил мобов и отвечал на вызовы сойтись в дуэли, но едва чувствовал, что появляются друзья и враги, что игра затягивает, я поспешно выходил и с этой ММОППГ завязывал. Если для однопользовательской это и есть «играл», то для баймы такого мало даже для знакомства. В байме даже после полугода ежедневной игры по пять-шесть часов многое еще не выяснено, не известно, не говоря уже о том, что большинство мест на карте не пройдено хотя бы по причине недостаточного лэвела или экипировки.

Здесь «играл», если был в клане, что прошел от нулевого уровня хотя бы до третьего, у тебя есть устойчивые друзья, вход в игру которых у тебя отмечается в особом окошке, есть противники, с которыми ты поклялся рассчитаться, когда накачаешь лэвел и приобретешь оружие лучше.

Потому я, чтобы не увязать в красочном игровом мире и не втягиваться в сложнейшие взаимоотношения игроков, кланов, альянсов, торговли и аренды, всегда предпочитал играть в стратегические рилтаймки. Там я, как бог, смотрю сверху на города и страны, веду крохотное племя из одного-двух первых поселян, что строят хижину из простых прутьев, учу их охотиться, рубить лес, добывать сперва золото, а потом и более сложные металлы.

Учу строить настоящие дома, засеивать поля, выращивать урожаи, налаживаю добычу железной руды, строю кузницы и оружейные, создаю первые отряды самообороны, а потом уже и войска. Все это время расширяю город, подчиняю новые территории, строю там города, соединяю торговыми караванными путями, увеличиваю армию и вот уже начинаю осторожное завоевание соседей, а потом и мира...

Для меня, как и для Скоффина и для многих других, решающее значение в том, что могу засэивиться и лечь спать. Неделю не включал игру, там все застыло на том миге времени, когда вышел из нее. А зашел и начал снова расширять империю, никто НПС не обложит меня матом, что долго не был в игре, что за это время чужой клан нас перегнал, что Ваську и Генку убили по моей вине, а был бы в игре, мы всех гадов замочили бы запросто... В однопользовательской я хозяин, в байме – только активный участник.

Так что и в нашем Реальном Мире играть не буду, не стану. Это для тех, кто бизнесом не занимается. У кого не только много свободного времени, но и голова абсолютно чистая, не занятая другими мыслями. А моя мысль одна, но на всю голову: как нам выжить, как выжать из нас, очень даже не тупых, но не умеющих собраться и показать себя во всех силе, – максимум?

Ибо без работы на полную останемся на уровне тех, кто очень боится переработаться и всю жизнь тлеет, тлеет, пока не затухнет.

Рядом с нашим офисом, в доме через улицу расположено небольшое кафе, мы приучились там обедать, что подняло доход кафешников вдвое. Две девчонки, что обслуживают, похоже, и держат эту кафешку, с любопытством присматривались к новым клиентам, а когда узнали, что мы не случайные, а работаем рядом, оживились, заблестели глазками, начали двигаться быстрее и улыбаться шире.

Как обычно, сдвинув два стола, мы быстро ели, спеша вернуться в свою уютную нору, Кулиев за время обеда обычно не раскрывал рта, то ли неприлично, то ли боялся, что кусок выпадет и кто-то схватит, зато Секира ухитряется есть быстрее всех и еще беспрерывно тараторит обо всем на свете, что значит – о байме...

– В баймах человек честен, – заявил он невнятно с набитым ртом, быстро проглотил и продолжал: – В рилайфе, он постоянно в маске. Он одевается так, как принято, говорит то, что положено, делает вид, что любит Джокондой и якобы со вниманием слушает оперу, зато в байме он ведет себя... естественно. То есть сразу же хватается ружжо, меч или что-то там еще убивательное и смотрит, кого бы замочить.

Ворпед возразил:

– Ничего подобного! Я как раз больше люблю добывать ресурсы, крафтить...

– Ты не один, – отмахнулся Секира. – Но если какой гад посмеет меня там задеть хоть словом, я его тут же пришибу! Но дело не в убийствах, это уже крайности, однако в байме я не делаю вид, что мне нравится опера или что-то понимаю в японском хрякку или хрюкку.

– Хрекку, – поправил Ворпед. Подумал, сказал неуверенно: – Или хрукку?... Ладно, пусть хрюкку, какая на хрен разница в этих хрюкках, их и сами туземцы не понимают, а только делают вид, чтоб свою косоглазость возвысить. Но в баймах, согласен, мы не прикидываемся, потому в разработке мы должны делать акцент не на условности общества, а на потаенные инстинкты человека...

Секира возразил:

– Извини-подвинься! Мораль общества и так ниже пояса. Только и слышу: секс и насилие, насилие и секс!.. да еще деньги любой ценой. А что тогда в играх? Только зарегился – и мочи всех?

Как всегда, не договорившись, повернулись ко мне. Я как раз рассматривал официантку, она принесла блинчики с мясом и наклонилась так, что я видел в глубоком вырезе платья небольшие острые груди с широкими коричневыми кругами.

– Ваша милость, отвлекитесь на минутку...

– Да трудно, – пробормотал я, – мне, как феодалу, показывают больше, чем вам.

Официантка улыбнулась поощрительно жадное внимание молодых парней льстит, ушла, демонстративно двигая из стороны в сторону тугим бесцеллюлитным задом и даже ухитряясь приподнимать ягодицы разом и по одной, явно не последняя в фитнес-группе.

Скоффин вздохнул.

– Да, ради этого стоит быть боссом...

Николай хмыкнул.

– Так только ради этого и становятся, чудак! А все остальное – тлен.

– Верная мысль, – заметил Аллодис. – Скинем шефа и сами станем ими?

Скоффин вздохнул еще тяжелее.

– Эх, если бы в шефы так просто... В семнадцатом всех до единого скинули! До сих пор от той пьянки голова трещит...

Я провожал взглядом официантку, пока она, обернувшись с понимающей улыбкой в дверях кухни, не исчезла.

– Баймы, – сказал я в затруднении, – да, это новый мир. Что хорошо и... плохо. Мы не можем сослаться, мол, при Пушкине было вот так, потому и мы должны делать вот так. У нас нет прецедентов, а то, что есть, – это так, фотографии Люмпена. Или братьев Райт, не помню. Но Секира прав: в баймах человек не стесняется в той степени, как он связан даже при нашей свободной морали, где секс и деньги, деньги и секс... В баймах он еще... откровеннее. Потому с одной стороны надо давать возможность воевать вволю, убивать и грабить...

– Кого?

Я отмахнулся:

– НПСов, к примеру. Ими можно заселить целые области. А для любителей хардкора – схватки с себе подобными. Кроме того, нужно облегчить всякие телесные контакты. Скажете, такого в баймах еще не было? Так и байм не было, а пока только онлайн-игры!.. Да, к тому десятку движений, что есть в самых продвинутых играх, нужно разработать не меньше сотни наших собственных. Из них не меньше половины... гм... эротичного свойства. Ну, начиная с поцелуев и легкого петтинга до полного совокупления.

– И кач нужно затруднить еще больше, – сказал Скоффин и тоже оглянулся на дверь в кухню. – Или продлить лестницу.

– Лэвелов?

– Ну да. Усложнить и растянуть не от нуля до восьмидесяти, как в Линеijke, где больше всего ступеней, а... скажем... до ста!

Девушка, сменив передник, появилась за барной стойкой. Аллодис фыркнул:

– Сто? Где восемьдесят, там и сто. Думаю, в шестом приложении они сами повысят кач до ста. Или до девяностого лэвела. Нет уж, если замахиваться, до сразу на сто пятьдесят – двести! А в аддонах еще повысим.

Николай не утерпел, сходил к барной стойке, якобы рассчитаться, чтобы девочек лишний раз не гонять к нашему столику, вернулся, развел руками:

– Эх, пришлось отказать такой красивой женщине...

Ворпед ахнул:

– Да ты что? Да как ты мог?.. Ну, Коля, ты и свинья, просто свинтус гигантус! А можно я сбегаю?

Он начал подниматься, Николай сказал печально:

– Иди, попытайся. Она просила сделать за нее курсовую по изменению текучести при сверхнизких температурах.

Ворпед сел, вид обалделый, пробормотал:

– А она сперва показалась такой красивой...

– Женился на красивой, – посочувствовал Николай, – оказалась – умной. И такие несчастья бывают, что делать. Ладно, чем красивее женщина, тем быстрее пролетают время и деньги, а работать надо...

Он опустил пустую чашку на стол, за ним начали подниматься остальные. Я уже видел по их лицам, как все бегом возвращаются в Реальный Мир.

Поднимаясь по ступенькам в офис, я напомнил:

– Не забываем, что делаем байму, ориентируясь на три основные группы населения...

– Три? – переспросил Ворпед и в растерянности поморгал добрыми глазами. – Я думал, всегда делят на две. Богатые и бедные, добрые и злые, худые и толстые, жадные и щедрые...

– Не перебивай, – сказал Скоффин ехидно. – Когда хотят умность свою показать, добавляют еще среднюю категорию.

Я поморщился:

– Разговорчики в строю! Я говорю о трех группах баймеров. Сейчас все уже... или почти все имеют возможность баймланить. И что же? Три четверти баймеров остается верны неон-

лайн. Мы много говорили об этом, но ни разу не была названа еще одна, думаю, самая главная причина. Кто-то может назвать ее?

– Жадные, – предположил Николай. – За онлайн платить надо.

– А те, – спросил я, – у кого анлимитэд?

– Дураки, – выказал догадку Секира. – Ничего не понимают. А вот мы – умные.

Мы прошли по коридору к дверям своего офиса, у окон по всему коридору стоят молодые женщины с сигаретами в пальцах. Пускают дым и с интересом посматривают на молодых мужчин, которые так уверенно о себе, что ах какие умные... У каждой в глазах: надо было проверить, насколько вы умные. А если еще и богатые...

Я первым вошел в офис, остановился посреди комнаты.

– Вон наш Зомлер, – напомнил я всем, – пришел в онлайн с великим азартом, помните? Начал мочить монстров, собирать луты, выполнять квесты... и вдруг – бросил. Я так и эдак возле него, пока не выяснил, что его несколько раз замочили сами игроки.

– ПэКа? – спросил Николай с недоумением.

– Да, Player Killer'ы. Им уже скучно, квесты пройдены, все монстры для них что мыши, вот и развлекаются тем, что мочат других игроков. Для кого-то это самое то: стараются накачаться так, чтобы бить других. Это ж самое интересное, как они считают, а вот для Зомлера это показалось настолько отвратительным, что он бросил играть. А таких, как он, треть игроков, если не больше...

– Больше, – подал голос до этого молчавший Кулиев. – Больше. В игры вообще играет больше тех, кто в реальной жизни не преуспел. Так что таких, как ты, сказали, не меньше половины.

Я кивнул:

– Вполне возможно. Так что будет если не ориентироваться на них, но очень сильно принимать во внимание. Потому карту разобьем на три игровые зоны...

– Зоны?

– Территории, – поправился Кулиев.

– Острова?

Кулиев подумал, сказал с той же неуверенностью:

– Может, и острова...

Скоффин, наш главный оппонент всем и всему, возразил энергично:

– Ерунда на постном масле! Эти территории должны лежать прямо на континенте. Причем как раз поперек главных дорог.

В одной только монстры, квесты и прочие увеселения, в другой – клановые сражения, а игрок против игрока только в режиме Р vs Р, зато третий уже моделирует саму жизнь: никаких правил, сами игроки самоорганизуются, если хотят полной защиты от ПэКашников, ибо против среднепрокачанного отряда не устоит никакой хайлэвельный ПэКашник... Чтобы у игрока был выбор: либо постараться поскорее проскочить опасную территорию напрямую, рискуя встретиться с пэвэпэшниками, либо обходить кружным путем.

Николай заметил, не оборачиваясь, до жути рассудительным тоном, словно покупал рыбу на базаре:

– Никто не мешает собраться группой и топать напрямик. Пэвэпешники, как правило, бегают в одиночку. А группа завалит любого героя... Кстати, это будет способствовать чувству коллективизма и взаимовыручки. Даже закомплексованные, что держатся в одиночестве, будут вынуждены сбиваться в пати.

Кулиев возразил мягким голосом:

– Не у всех, даже из одного клана, совпадает время, чтобы одновременно войти в игру и двинуться через опасную зону. Все-таки большинство из нас еще и работает, ходит в магазин, посещает родителей и какие-нибудь дурацкие дни рождения... Так что либо придется долго

ждать, когда появится такой же, желающий перейти через опасное место, либо рисковать своей шкурой...

Скоффин сказал сварливо:

– Тогда этих опасных зон должно быть много. А то если одна-две, в них привыкнут вторгаться группами.

– И монстров надо туда попаснее, – предложил так же рассудительно Николай, в котором кровожадности больше, чем в снах Аттилы. – Чтобы и пэвэпэшники не чувствовали там себя вольготно.

– А лута из тех мобов поменьше, – уточнил Кулиев.

– Да-да, а то туда ломанутся за добычей, – согласился Николай и сразу сделал пару замечаний в допотопном блокноте. – Так и сделаем... Если что не так, исправим в аддоне. А если критически, то выпустим отдельный патчик.

Скоффин вздохнул, почесал бритый затылок.

– У меня на этот отдельный патчик уже а-а-агромадный список. Почти на треть игры.

Аллодис сказал с сомнением:

– И что же, они так и будут толпой ходить?

– Не все же такие индивидуалисты, как ты! Многим как раз весь кайф собратиться в группу и вместе бродить по карте. Шуточки, приколы, а заодно взаимопомощь, обмен добычей...

Ворпед подумал, кивнул.

– Вообще-то мне тоже нравилось ходить с Аликом, у которого девиз «Мир вам!», и ОлдПлэйером. Потом к нам прибилась Хрустальное Сердечко, так вообще было на кого равняться, кого опекать...

Я наконец прошел к своему столу, но все смотрят на меня, я не стал садиться, повернулся, встречая их вопрошающие взгляды.

– Вот-вот. Сперва такие вот отряды самообороны и взаимопомощи против чересчур агрессивных и уже прокачанных донельзя, а потом, возможно, выборные или оплачиваемые горожанами стражи на воротах или ключевых пунктах.

– А если эти ПэКашники тоже объединятся в отряды?

Я покачал головой:

– Опыт показывает, что так не происходит. А объединение сильных баймеров возникает лишь на основе кланов, где свои правила, порой – жесткие, дисциплина опять же. ПэКашникам же нравится именно беспредел, где могут показать всем – именно всем! – какие они крутые. В жизни это самые затравленные и угнетенные существа, тени своей страшатся, потому хоть в баймах пытаются отыграться, искупить кровью всех встречных свои обиды... Но мы отвлеклись! Главное, запомните: делаем три игровые зоны. Переход из одной в другую возможен без всяких формальностей, но всякий вступивший в другую зону подчиняется ее правилам. То есть ПэКашник нигде не может никого замочить по своему желанию...

– Кроме второй, – напомнил Скоффин.

– Кроме средней, – согласился я, – где существует режим Р vs Р. Там ПэКашник, как и любой другой, может вызвать кого-то на поединок, и если тот согласится, то замочит. Но в первой зоне даже вызвать на поединок не сможет! Только охота на монстров, сбор ценностей, квесты, постройка дома, женитьба, дети, огород, торговля и все прочее, привычное для неонлайновых... Словом, мы должны ориентироваться на всех баймеров, а не только любителей сплошной мочилочки в духе кээса, полужизни или дума.

Глава 12

Аллодис, как главный в разработке движка, загрузил всех вспомогательной работой, только Ворпед остался в сторонке: на нем дизайн игровых персонажей.

Я сам, как и другие, чаще всего останавливался именно возле его стола. У него все завалено фотографиями лучших фотомоделей, порнозвезд из инета, а также распечатками картин Валеджи, Ройо и прочих мастеров, которые женщин вырисовывали с особым тщанием и любовью. Все мы Ворпеду постоянно подаем советы, ведь научно установленный факт, что любой мужчина, даже абсолютно лишенный дара художника, все равно с удовольствием и тщательностью нарисует женскую фигуру. Или какую-то ее часть.

Я осмотрел эскизы женщин-воинов, одобрил:

– Прекрасно! Скоффину меньше работы.

– А Скоффину при чем? – удивился Ворпед. – Он же программирует их ИИ...

– Вот потому, – объяснил я. – Говорят же хвастливые женщины, что зато с такой фигурой я могу быть полной душой? Досадуют на недостаток интеллекта у женщины только в случае, если у нее маленькая грудь. А есть интеллект у этих красоток, что у тебя на столе, или нет – кто заметит?

Николай подошел, заглянул через плечо.

– У меня, – вздохнул он горестно, – вся энергия на этих баб уходит. Поверишь ли, даже когда прихожу домой, рука не поднимается позвонить какой-нибудь... Это и называется сублимацией, да?

От своего стола ехидно бросил Скоффин:

– А я знаю и другое слово.

– А ты, кролик, не прислушивайся, – огрызнулся Николай. – Шеф, может быть, чтобы рисовать мужиков, найдем со стороны женщину-художницу?

Скоффин усомнился:

– Ну да, она ж будет рисовать только пенисы. Нет, нужна профессионалка! А лучше пара профессионалок. Или три.

Николай спросил с подозрением:

– Зачем столько? Вон баб рисует один Ворпед. И прекрасно справляется!

– Так то баб, – вздохнул Скоффин с безнадёжностью в голосе. – Баб рисовать – удовольствие. Потому он и пашет за троих. Устал, но поет, вы же слышали его шипение... И в стрип-покер совсем бросил... Зато мужиков рисовать – нудно и неприятно. За такую работу хорошо платить надо. И доплачивать за вредность.

Николай сказал нерешительно:

– Может, тогда возьмусь я? Только чтоб доплачивали еще за жадность, хитрость, лень и неумение рисовать.

Николай разрабатывал систему миссионерства, которого, кстати, не знало православие, в то время как западный мир вырос на нем и во многом сформировался благодаря ему. Миссионеры несли Слово Божье во все уголки планеты, их убивали, сажали на кол, заживо сдирали кожу, распинали, сжигали, но они все шли и шли, самоотверженно проповедуя и встаскивая целые народы на более высокую ступень культуры.

И хотя все вроде бы делали одинаково, как выглядело со стороны, но миссионеры выплескивались волнами из разных монастырей, более того – разных религиозных направлений, и потому Николай самозабвенно наделял одних способностью фэйболить, другие призывали магию воды, миссионеры других конфессий могли подчинять диких зверей или замораживать

на долгое время целое племя язычников... на уже принявших христианство это не действовало, и так далее, и так далее всем что-то да находил оригинальное.

Ему рьяно помогали Скоффин и Аллодис идеями, открыв, к своему изумлению, в миссионерстве гораздо больше возможностей, чем обладали языческие колдуны, маги и прочие визарды.

Секира посматривал со стороны с недоверием, а потом и сам явился с идеей:

– А самые-самые, ну, рейд-боссы или супербоссы континента будут дохристианскими языческими богами!..

Николай сказал твердо:

– Только не нашими! Наших не трожь.

– Да какие наши? – удивился Секира. – Мы ж христиане вроде?

– Вот и бей своих еврейских богов, – отрезал Николай. – Или исламских. Даже скандинавских можешь, но нашенских славянских не смей. Я такую разрабатывать не стану.

Секира скривился, потом махнул рукой:

– Ладно, патриот. Снимаю свое гениальное предложение. Но не потому, что ты прав, ты им не бываешь по определению, просто кто поймет, что это, если будем бить Сварога, Велеса или Мару?.. А вот Тора, Локи, Одина, Бальдура... это да!

У Кирича своего стола так и нет: он бывает у нас наскоками. Вот и сейчас побродил, прислушиваясь к разговорам, подошел и похлопал Секиру по плечу.

– Да, конечно. Хотя богов можно набрать из других мифологий. Вон в Египте их тысячи, в Индии – миллионы, а в Элладу хоть и поменьше, но кто их не знает? У ацтеков и майя есть очень причудливые и достаточно противные...

– Нам нужны противные, – согласился Николай. – Нельзя же всех мобов друг у друга драть! Надо и самим... Вот только что можно тащить к себе, а что нельзя, ведь искусство священо...

Скоффин фыркнул:

– Как будто есть определение искусству!

– Есть, – сказал убежденно Николай. – Что висит на стене – живопись, что можно увидеть сзади – скульптура. А вот пусть они разберутся в компьютерных технологиях! Хорошего танцора по голосу видно, вы только посмотрите на Скофа!

Есть люди простенькие, которые приходят в восторг от новеньких автомобилей. Их, разумеется, большинство. Как и большинство болеет за футбол, а не за решение теоремы Ферма. Есть, у которых атавизм так и прет, этим дай охоту или рыбалку, Наверное, им снятся уютные гнезда на пальмах.

А я вот пьянею, когда переступаю порог компьютерного магазина. В глаза бьет блеск со всех полок вдоль всех стен и стеллажей, там тесно сгрудились видеокарты, материнские платы, адаптеры, кулеры, флешки, дисководы... И все новенькое, сверкающее металлом и кристаллами чипов, все самое технологичное, все самое то, чем наш век и наше время отличается от предыдущего. Во всем остальном, как ни крути, жрем и совокупляемся, как древние египтяне или халдеи какие, еще панэм эт цирцензес подавай, мы же электорат, и только в компьютерном магазине я чувствую, что, в самом деле, человек – это звучит гордо... Понятно же, что человеки – это те, кто ходит в компьютерные магазины, а все остальное – так, обезьяны. А то и лемуры вовсе.

Сегодня с работы ушел достаточно рано, не вся еще Москва перешла на ночной образ жизни, а компьютерный магазин вблизи автостоянки, где я держу машину, еще с открытыми дверями. Я не удержался от соблазна, переступил порог в следующий век, зачарованно пошел вдоль полок. Через минуту сбоку возник консультант-менеджер, чистенький и блестящий, как новенький кулер, и такой же шустрый.

– Что-то желаете?

– Просто посмотрю, – ответил я. – Сперва полюбуюсь. Давно не был.

Он молча отошел, понял. Раньше такое наблюдалось только среди женщин: болезнь витринности. По выходным подруги в кучку и прутся не в оперу или в музей изящного искусства, а по центральной улице, где подолгу ахают и восторгаются перед витринами, запоминают новинки. В некоторые магазины даже заходят и придирчиво пересматривают все пiski и хрипы моды. И так целый день. Возвращаются усталые, но счастливые. Впечатлений хватает до следующих выходных. Разве такой кайф словишь в какой-то опере или Эрмитаже?

Я шел от витрины к витрине, всматривался в стриптиз видеокарт и материнских плат, любовался и жадно дышал атмосферой будущего. Краем уха услышал мягкий девичий голос:

– А флеш-память у вас есть?.. Это вот и есть флеш-память?..

– Да, – донесся терпеливый голос консультанта. – Это она и есть. Вам какую?

– Хорошую, – ответила девушка убежденно.

Я скосил глаза. Молоденькая и симпатичная, чистое личико, курносый носик, глаза цвета спелого желудя, такие же светло-коричневые и блестящие молодостью и любопытством. Чем-то напомнила Габриэллу, но Габриэлла с ног до головы леди, молодая леди, а это еще ребенок, хоть и созревший, еще как созревший, тугая грудь рвется из низкого выреза топ-маечки, чистый ровный животик покрыт ровным загаром и украшен полоской стразов. Длинные спортивные ноги, однако попка уже вкусно округлилась и приподнялась, принимая ту форму, чтобы для жадных мужских ладоней.

– Хорошую по емкости? – спрашивал консультант. – Или цене?

Она сказала независимым голосом:

– По «цена-качество»!

Он чуть усмехнулся, сказал:

– Вот на гигабайт. Стоит всего сто десять долларов.

Она ахнула:

– Такая маленькая и так дорого? С ума сойти!

– Есть дешевле, – сказал он. – Вот в пятьсот мегабайт. Стоит семьдесят долларов.

Она pokrutila головой:

– Нет-нет, это слишком дорого. А если я хочу фильм скачать с компа у подруги и перенести домой?

– Скачивайте в низком разрешении, – предложил консультант.

– Ну да, – возразила она. – У меня телевизор с широким экраном! Все пиксели рассматриваю!

Она явно собиралась уйти, весь ее вид говорил, что в этом магазине слишком дорого, пойду в другой, а по глазам консультанта я видел, что удерживать нет смысла: в других магазинах все то же и по тем же ценам. Если и будет где-то дешевле, то на копейку, но не в разы.

Я повернулся к ним, сказал девушке вежливо:

– А зачем вам флешка? Если вам не так важна сверхскорость? Купите вот такую штуку...

Я отстегнул клапан нагрудного кармана рубашки и вытащил за шнурок накопитель. Девушка смотрела на него недоверчиво.

– Что это?

– Та же флешка, – объяснил я. – Только включается не в разъем, а через шнурок. Видите? Но здесь восемьдесят гигабайт объема. А стоит чуть дешевле той флешки, что на гигабайт.

Она с торжеством повернулась к консультанту:

– Вот видите!

Тот развел руками.

– Это совсем другое устройство...

– У вас такое есть?

– Да, конечно...

– Покажите!

Устройство оказалось точно такое же даже по форме, только небесно-голубого цвета. Девушка быстро расплатилась, повернувшись ко мне, одарив лучистой улыбкой:

– Вы меня просто спасли!

– Пустяки, – сказал я с улыбкой и, повернувшись к консультанту, сказал: – Мне вот ту видяху. Рад, что у вас появились на третий день после анонса в Джапии.

Тот просиял.

– Приятно, что вы заметили! Сегодня самолетом привезли. Это самая производительная карта в мире!

– Знаю, – ответил я. – Слежу за новостями.

Расстались мы довольные друг другом, а, выйдя из магазина, я увидел девушку, что вытаскивала накопитель из коробки и старалась прочесть надпись на корпусе. Увидев меня, просияла:

– Ой, извините... Еще раз побеспокою. Скажите, а нужны какие-то драйвера, чтобы подключить, раз уж это не флешка?

– Нет, – сказал я. – Комп сам все найдет. Только воткните в нужный сокет.

– А если не найдет? И что такое сокет?

– Прوماхнуться невозможно, – заверил я. – Все сокеты разные. В неверный вы просто не сумеете воткнуть...

Она засмеялась:

– Сумею. Я настойчивая. Только малограмотная, в моем компе ковырялся один одноклассник. Мой комп вообще часто бунтует... Вы не согласились бы показать, как и куда втыкать? Меня зовут Кларисса. Я живу во-о-он в том доме!

Я повернулся, дом близок, от девушки веет свежестью, теплом и задором, а голос веселый, юный и одновременно женственный. Она и правда очень похожа на Габриэлла, только в совсем юном исполнении и, так сказать, более эротичном. Леди не может выглядеть эротично, она все-таки леди, какой бы ни была в постели, а именно выглядеть эротичными могут только женщины попроще... Например, Мэрилин Монро, на которую эта красотка сильно смахивает. На очень юную Мэрилин, только что вылезающую из кокона гусеницы и расправляющую сверкающие крылышки.

Глава 13

Мы пошли плечо в плечо, и я, как картинку из кино, увидел, что в подъезд войдем чинно, так же поднимемся в лифте, в прихожей я сниму обувь и надену тапочки, она покажет комп, я в свою очередь покажу как пользоваться накопителем... За это время подоспеет кофе, выпьем, там же на кухне и посовокупляемся...

Я чуть скосил глаза, похоже, и она это понимает. Даже знает, как она предпочтет: то ли снимет джинсы и сядет ко мне на колени, то ли нагнется над столом. Можно и на столе, но это слишком, это для увлекающихся или уже на второй-третий день, а просто для знакомства мужчины и женщины нужно простое соитие, обычный коитус, как рукопожатие между мужчинами.

В подъезде навстречу попалась женщина с двумя собачками, на меня зарычали, Клариссе весело завияли хвостиками. В лифте я сказал:

– Любят вас в доме.

Она засмеялась:

– Надеюсь, не только собаки.

Лифт маленький, она стоит почти вплотную, я с высоты своего роста вижу в треугольнике ее маечки белую незагорелую кожу и начало полной груди. Кларисса, проследив за моим взглядом, улыбнулась и, медленно взявшись за края майки, начала поднимать ее, не отрывая взгляда от моего лица. Лифчика не носит, это видно сразу, приоткрылись четко очерченные налитые выпуклости ослепительно белой кожи, наконец обе груди освобождено посмотрели на меня во всей красе светло-коричневыми кружками, слегка приподнятыми, соски крупные, как орешки...

И тут же Кларисса опустила маечку, да еще и показала язык.

– Что ты делаешь? – сказал я с укором. – Теперь я не смогу вставить в нужный сокет...

Она расхохоталась.

– Сумеешь!.. А нет помогу.

Квартира двухкомнатная, я сразу увидел, что здесь живет целая семья, но смолчал, мы же культурные люди, говнюк. Кларисса из прихожей сразу провела в комнатку поменьше, ее логово сразу узнаваемо по стенам, завешанным постерами с кинозвездами, поп-идолами и видами теплых морей с прекрасными отелями.

Четырнадцатидюймовый дисплей на столе, сам комп на полу, но я лишь нагнулся и, не поворачивая ящик, нащупал нужный разъем и воткнул шнурок.

– Готово. Теперь давай посмотрим... Вот он, видишь?

– Где?

– Видишь диски С, Д, сидюк... а теперь вот добавилась еще строчка?

– Ой, а я и не заметила!

– Смотри, кликаешь по ней... Не промахнись...

Потом мы выпили по чашке кофе, я похрустел печеньем, а когда Кларисса встала и хотела сполоснуть чашки, я придержал, расстегнул пуговицу на ее джинсах, потащил «молнию» вниз. На мои плечи опустились ее руки, я взялся за ткань, слезает так тяжело, будто сдираю кожу, как только женщины в них и влезают.

Она переступила с ноги на ногу, давая мне освободить джинсы. Я повесил их на спинку ее стула, трусики сняла сама, не доверив мне. Возможно, там испачкано, а мы не в такой степени близости, это уже второй уровень знакомства.

Низ живота подбрит аккуратно, без всяких премудростей, просто оставлена узкая полоска коротко подстриженных волос.

– Красивые ноги, – пробормотал я, – тебе можно ходить голой.

– Даже самые красивые ноги, – напомнила она весело, – где-нибудь заканчиваются.

– Где? – поинтересовался я тупенько. – Такие длинные, что все иду-иду...

Выждав, когда я расстегну и приспущу свои джинсы, она села мне на колени, широко разведя ноги, в самом деле длинные и красивые конечности спортсменки. Я взялся за края ее маечки, она подняла руки, я снял через голову и ловко набросил поверх уже пристроенных джинсов.

Она качнулась вперед, дразня тугими грудями. Соски надулись, я ловил их губами, успел подумать, что вот именно так все и увидел еще там, когда отошли из магазина. И стул именно здесь, и стол, и окно напротив, откуда яркий свет, отвлекает... но ничего, пусть чуть-чуть отвлекает. В некоторых случаях нужно, чтобы хоть что-то слегка мешало.

Потом снова по чашке кофе, мы ж интеллигенты, бля, я с удовольствием отхлебывал горячую коричневую жидкость. Теперь между нами некоторая близость, я как бы чем-то связан, обязан ее защищать чуть-чуть больше, чем незнакомую, и она со мной еще свободнее и раскованнее, чем была.

– Хорошо, – выдохнул я, делая глоток и с удовольствием рассматривая ее. Она так и не набросила маечку, ограничившись трусиками и ультракороткими шортами, да и то потому, что теперь надо подложить в трусики необходимые прокладки. Молодые и уже созревшие груди разогрелись и смотрят на меня вызывающе раскрасневшимися оттопыренными кончиками. – Ты просто прелесть...

– Скоро этот рай кончится, – вздохнула она. – Опять в подворотнях трахаться...

– Что случилось? – спросил я.

– В понедельник родители вернутся. Сейчас на даче что-то копают, роют, сажают... Как я все это ненавижу! С детства отказывалась туда ездить. Дачи – это наши виллы, правда? Но на виллах отдыхают, а у нас все в земле, как кроты роются. Приезжают после такого отдыха, спины не могут разогнуть.

– Ну, – пробормотал я, – такова традиция...

– Глупость это, а не традиция, – отрезала она обиженно. – Нет, родители меня не понимают. Хотя у нас и благополучная семья. В смысле, уже три года живут. У меня есть мать и отец, хотя уже не помню, какой по счету. А все равно как будто пропасть между поколениями! Я их ценности не понимаю, они – мои...

– Ты еще учишься?

Она мотнула головой:

– Угу. Перешла в одиннадцатый. Лето заканчивается, через две недели снова в школу... Так не хочется! Школа – эта такая скука.

Господи, мелькнула мысль, так она еще школьница. Я думал, ответит, на каком курсе... Несовершеннолетняя, как бы родители не вернулись с дачи раньше времени. Сгорю, как швед без масла да еще и под Полтавой.

Заодно уж настроив комп вообще, теперь будет загружаться шибче и работать быстрее, без лагов и подвисания, я чмокнул ее в щеку, теперь мы друзья, и отбыл, завтра тяжелый день. Да у меня они все такие, даже когда трахался, все время помнил, что Кулиеву надо напомнить про новый инструментарий по текстурированию, а за Ворпедом проследить, чтобы не забыл закончить разработку лестницы классов и подклассов.

А, возвращаясь мыслью к Клариссе: это дурость насчет непонимания между поколениями. Даже мне это видно, хотя я пока что не отношусь к поколению родителей. Я так, где-то посреди. И вижу, что про непонимание говорят только сами тинейджеры. Ах-ах, родители их не понимают, взрослые их не понимают, вообще общество их не понимает!..

Хрень это все. Старшее поколение прекрасно, прекраснейше понимает. Само было тинейджерами, кололось, курило травку и употребляло чего покрепче, трахалось в подъездах

и на крышах, проводило ночи на дискотеках, после чего заваливало экзамены... А вот тинейджеры еще не знают, что такое быть взрослым, когда от тебя требуется содержать семью, крепко стоять на ногах, обладать необходимым минимумом: хорошая квартира, хорошая машина и достойная зарплата. Ладно, дачу можно сюда не включать, это отрывка совковой эпохи, но достойная зарплата обязательна, а ее не получить, если юность протрахаться в подъездах, курить травку и сбегать с лекций. Взрослые это знают, а тинейджеры еще нет. Вот и конфликт, когда отец, все испытав на своей шкуре, пытается уберечь сына или дочь от тупиков, на что те отвечают бунтом: ах-ах, меня не понимают, ах, я не хочу меняться, принимайте меня таким, какой я есть! И с лекций буду убегать, а уж какой из меня получится специалист и возьмут ли меня с такими знаниями на работу... это еще не скоро, думать не хочу.

На работу прибыл почти первым, только Кулиев и Скоффин уже там, но можно даже не спрашивать рожу помятые, работали до поздней ночи, поспали пару часов и снова вкалывают, как озверелые. Наперебой начали рассказывать, какую хитрую систему боя придумали, ни в одной байме нет, а это так просто, программеры просмотрели, что три десятка движений меча можно вложить вот в этот простенький алгоритмик, только посмотри, шеф, а копье и кинжал займут еще меньше ресурсов, их уложим вот так и вот так...

Постепенно подошли Секира, Николай, Аллодис, в коридоре послышался бодрый голос Ворпеда. Сходу включились в дискуссию, у каждого идеи, какие движения добавить, чтобы схватки проходили динамичнее и непредсказуемее...

Я, все еще во власти встречи с Клариссой, даже запах ее духов стоит в ноздрях, заговорил медленно:

– Погоди-ка... Что ты все о схватках и осадах?... Кроме всяких сражений есть еще одна составляющая нашего поведения...

– Какая? – спросил Скоффин задиристо. – В онлайн-играх нет ничего интереснее и увлекательнее, чем осады и эвенты...

Он повернулся, посмотрел на меня расширенными глазами. Я кивнул:

– Угадал. Вот именно это я и хочу вставить в игру, чтобы она выросла до масштаба баймы.

Он ахнул.

– Шеф! Я думал, вчера мы трепались просто так, для хорошего настроения. Ну неужели ты это всерьез? Так опозоришь всех нас. Сделать порнуху...

– Порнуху? – переспросил я.

– Ну да...

– Почему именно порнуху? – переспросил я. – А почему не обычные отношения...

Даже сдержанные Кулиев и Аллодис заулыбались, а Скоффин, ободренный их смешками, сказал горячо:

– Шеф, ты же сам знаешь, что, какие бы скромные отношения ты ни попробовал ввести, сразу же все будут пытаться трахать все, что движется! А то и такое, что даже не шевелиться.

Я развел руками.

– А разве в основе всех наших церемонных ухаживаний не лежит этот базовый инстинкт? Не будем лицемерами. А то мы берем только один элемент нашего бытия: тягу к оружию и убийствам – и лицемерно обходим другой... Думаю, что если совместить их, то все игроки как раз остановятся на некоем балансе. Зато это сделает игру полнее...

Скоффин фыркнул.

– Еще как полнее! Все эти онанисты прибегут...

Кулиев сказал осторожно:

– А разве нам не это надо?

– Чтобы мастурбировали перед мониторами?

– Чтобы массовость была, – сказал Кулиев терпеливо. – А что они будут делать перед дисплеями – их личное дело. Мы и сейчас не знаем, что они делают. Возможно, вообще играют без галстуков.

Скоффин мотал головой, но заговорил Аллодис, очень медленно и непривычно степенно:

– С технической стороны это несложно. Уже немало симуляторов подобного рода прошло, начиная с Sims, Sims-2, Sims-3, а также мелких эротических квестов. Все движения проработаны умело, сторонников таких игр хоть в пруду топи. Так что добавить движений и возможностей нетрудно. А машина потянет, это не нагрузка... Вот только...

Он мялся, смотрел на меня, я спросил нетерпеливо:

– Что?

– В таких симуляторах нет никаких ограничений. В смысле, мужчины могут не только с женщинами, но и друг с другом. Как и женщины.

Они молчали и смотрели на меня, я молчал тоже, Николай сказал со смешком:

– Женщины – пусть, это даже красиво, а вот педерастов всех под корень!

– Как?

– Ну, в смысле, ввести ограничение на совокупление между одинаковыми полами.

– Женщины пусть, – ввернул Ворпед и облизнулся.

– Да пусть, – согласился Николай. Он вздохнул мечтательно. – Лесбиянки – это так красиво. И даже местами возвышенно...

– Это какими местами? – спросил Кулиев с интересом.

Я подумал, решение нужно принимать быстро, вопросов много, если будем тормозить над каждым, далеко не уйдем, и заговорил, формулируя на ходу:

– Ворпед, ты у нас главный по разработке новых движений, пересмотри новейшие симуляторы... в этом жанре...

– Каким?

– В том жанре, – поправился я. – Только у них это целый жанр, а у нас будет только небольшое расширение возможностей игрока.

– Чтобы не только воевал, но и трахался?

Я поморщился:

– Почему только трахаться? Это будет в самом начале, пока будут осваивать все новые движения и все возможности... А потом успокоятся. Зато возможность не только жестокой рубки, но и легкого флирта привнесет в игру добавочные ощущения... В общем, внедрением эротики во все элементы игры: движения, позы, слова, обстановку в доме...

– Только эротики? – спросил он опасливо. – А... секса?

Я махнул рукой:

– Грани нет, так что давай и секс по полной. Только, как волка красными флажками, обвесим этот самый секс разными запретами и ограничениями. Ну, уже говорили: только хай-лэвелем, только в домах или в крайне уединенных локациях...

– ...но где много мобов, – вставил Скоффин хищно. – Агров, плюс – социалов! Это для любителей экстремального секса!

Они гоготали, пошли шуточки насчет этого самого экстремального, как еще усложнить, чтобы, к примеру, вися на одной руке над пропастью, когда вверху лев, а внизу крокодилы раскрыли пасти, а пряжка на штанах расстегивается двумя руками...

Николай хохотнул, толкнул локтем Ворпеда.

– Ты у нас главный дизайнер? Завтра я тебе Камасутру принесу.

Ворпед посмотрел на его холодно и с некоторой безразличностью, как опрятно одетый джентльмен на пьяного бомжа.

– Устарел ты с Камасутрой, дядя.

– А что не так?

– Заткни ее себе... дикарь.

– Нет, ты скажи!

– Тем позам пять тысяч лет. Думаешь, за это время ничего не придумано?

– Думаю, – ответил Николай с вызовом.

– Ошибаешься, – ответил Ворпед злорадно. – К примеру, в этом мире я могу такое добавить, что рилайфники никогда не повторят.

Все разом заинтересовались, но Ворпед хранил загадочное молчание. Похоже, он брякнул просто так, но теперь и сам понял, что в этом что-то есть. А раз есть, то надо использовать. Разработать кое-какую анимацию, что не слепо копирует движения рилайфы, а делает их более выразительными, так сказать. Хотя бы в кульминационные моменты...

Глядя на блестящие глаза Николая, Секиры и даже Скоффина, понимаю, что у Ворпеда появится много помощников. А уж консультантами будет весь дружный коллектив. Особенно дружный и работоспособный в этом случае. Даже на ночь останутся в офисе без сна и еды всем составом, только бы довести какое-то движение до совершенства. Можно даже предположить, какое.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.